

Валерий Лаврусъ

ВОСХОЖДЕНИЕ
ОЧЕНЬ КРАЙНИЙ СЕВЕР

Валерий Лаврусъ

**Очень Крайний
Север. Восхождение**

«Издательские решения»

Лаврусь В.

Очень Крайний Север. Восхождение / В. Лаврусь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747235-1

Юрка Серов — попаданец! Но он попал не в сказочный мир, не в параллельную вселенную, не на другую планету. Из тёплого кресла институтской лаборатории он выпал на Крайний Север 90-х. Запутался в женщинах. Брат позвал, и он сбежал. Теперь ему нужно выживать среди суровых северных парней, в холоде, в жаре, в лесу и тундре среди бескрайних болот и озер. «Что было, что будет, чем сердце успокоится»? А главное: сможет ли Юрка назвать себя мужиком? Настоящим мужиком.

ISBN 978-5-44-747235-1

© Лаврусь В.
© Издательские решения

Содержание

Ouverture	6
Часть первая. Северный	12
Рассказ первый. Первая полевая работа	13
Интермедия. Колька	18
Рассказ второй. В ответе за тех, кого приручили...	22
Интермедия. Ваня	34
Ещё про Ваню. Нет, про Наташку	39
Рассказ третий. Зачем в тундре верёвка?	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Очень Крайний Север Восхождение

Валерий Лаврусь

Иллюстратор Людмила Панова

Редактор Евгения Беянина

© Валерий Лаврусь, 2022

© Людмила Панова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4474-7235-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга дипломант XI конкурса Международной литературной премии имени П. П. Ершова. 2016 г. Ишим; лауреат книжного конкурса XXIII кинофестиваля «Вертикаль», 2020 год, Москва.

Памяти старшего брата Вячеслава посвящается...

Господи, помяни раба твоего Вячеслава.

Ouverture

Юрка мечтал стать космонавтом. Но уже тогда, в раннем детстве, он точно знал, что не хотел бы быть командиром космического корабля, а хотел бы стать бортинженером!

Об этом свидетельствует его старенькая фотография.

На снимке ему четыре года, он запечатлён сидящим на полу перед раскрытым журналом «Радио» с паяльником в руках. Средний брат посмеивался, утверждая, что Юрка паял неплохие транзисторные приёмники, которые умещались в пластиковые мыльницы. Меньше тогда делали только японцы. Не верите? Зря! Многие, сегодня глядя на Юрку, верят. Хотя сам он не особо верит. По байкам же среднего, эти приёмники Юрка отдавал старшему брату Ярославу, а тот рассказывал друзьям и девушкам, что собрал их сам. Старший учился на радиофаке авиационного, и ему верили.

К пяти годам Юрке надоело собирать приёмники и фотографироваться с паяльником в руках, он увлёкся чтением космической фантастики, коей стараниями старших братьев в доме было просто завались. Читал ему фантастику всё тот же средний брат – Игорь. Это были времена, когда американцы летали на Луну и весь мир, затаив дыхание, смотрел лунные

репортажи американских астронавтов. Юрка с братом тоже смотрел – в программе «Время», по древнему телевизору «Рекорд».

Кстати, вы знаете, кто выиграл лунную гонку? Американцы? Ничего подобного! Им пришлось пять раз слетать, чтобы понять: делать там нечего! Русские поняли это сразу, а потому туда даже не сунулись, хотя старательно делали вид, что собираются. Американцы на той лунной авантюре потеряли двадцать пять миллиардов долларов. Сегодня это четверть триллиона, не меньше. Потом русские пытались соблазнить их полётом на Марс, но случилась перестройка, и никто никуда не полетел. Последний раз Путину почти удалось подбить их вернуться на Луну. Джордж Буш был натурой увлекающейся, но не вовремя пришедший афроамериканец Обама под выданной авансом Нобелевской премией мира похоронил мечту миллионов простых американцев о возобновлении лунной экспансии. Другие дела обнаружились, более глобальные.

Но вернёмся к Юркиной мечте...

Ясно видящий цель и оптимистично настроенный, он пошёл в школу. Космонавт должен быть грамотным!

Но с учёбой как-то сразу не заладилось. И через год Юрка случайно подслушал разговор двух учителей начальных классов:

– Наверное, Юра Серов будет, как его старшие братья, отличником! И, как старший, получит золотую медаль! – говорила одна.

– Нет! – отвечала другая, его первая учительница, – ему бы говённую получить...

Осознав горькую правду жизни, Юрка простился с будущей звёздной карьерой. «Таких не берут в космонавты!»

Но в конце третьего класса его приняли в пионеры и вдохнули новые силы и новые надежды, ведь пионерская дружина носила имя Андриана Николаева, космонавта номер три! И уже в пятом, в сочинении на тему «Кем ты хочешь стать?», Юрка написал: «Хочу стать астробиологом». Ему ещё в детстве до смерти надоели эти бездушные транзисторы, резисторы и с ними вместе взятые конденсаторы – хотелось изучать живое, настоящее: разных инопланетных кошек или собак, а заодно повстречаться с инопланетным разумом. Учительница русского впала в ступор. Она не читала «Туманность Андромеды» и абсолютно не представляла себе не только инопланетный разум, но и вообще инопланетную жизнь. А Юрка твёрдо верил – таковая есть и только ждёт, чтобы её изучили. С верой обретаются упорство и силы.

К седьмому он стал отличником, таким круглым, что аж катался. И всё начало складываться как нельзя лучше, но тут случилась новая беда: Юрка, как положено «ботаникам», стал очкариком.

Он ни разу не видел космонавтов в очках и вновь осознал, что дорога в космос в очередной раз закрылась.

Это была катастрофа!

Но снова произошло чудо: Юрка с мамой поехал к старшему брату в Грузию. Брат служил офицером измерительного пункта наземного комплекса управления космическими средствами в горах Кавказа. И там Юрка увидел офицеров в очках и понял: сюда! именно сюда, в космические войска, ему дорога! Пусть он сам не полетит, но он будет управлять космическими кораблями с Земли. И после окончания школы, лишь чуть посомневавшись, Юрка поступил в авиационный институт на радиотехнический факультет (опять транзисторы!). Именно студентам радиотеха на военной кафедре давали нужную Юрке военную специальность – «Контрольно-измерительные системы космических средств».

Институт тот (кстати, носил он имя отца советской пилотируемой космонавтики Сергея Павловича Королёва) уже давно стал родным для его семьи. Его окончили оба Юркиных брата.

Старший после диплома и армии ушёл в аэрокосмогеологию. Средний к моменту поступления Юрки трудился в конструкторском бюро, где разрабатывали и собирали спутники фоторазведки, а рядом с конструкторским бюро был завод, на котором выпускали не только знаменитые моторные лодки, детские санки и сковородки, но и не менее знаменитые ракетоносители «Союз». Средний сразу пошёл в космическую отрасль. «А не я ли тому причина?» – думал Юрка, ведь это он заставлял Игоря читать ему в детстве космическую фантастику. Согласитесь, это не могло не наложить отпечатка на личность брата.

Долго ли, коротко ли, через пять весёлых лет, успешно заканчивая обучение в институте, Юрка подал рапорт, в котором изложил своё желание служить Родине. И... получил отказ. Опять между Юркой и звёздами встали очки! Космические войска в то время подчинялись Ракетным войскам стратегического назначения, а в РВСН тогда существовал жёсткий ценз по зрению. Юрка подал ещё два рапорта, но добился лишь того, что его вызвал начальник военной кафедры полковник Пронин и популярно – так сказать, на пальцах, – объяснил Юрке, что если Серов подаст хотя бы ещё один рапорт, то он положит свои погоны, но оставит Юрку без диплома. (На каждый Юркин рапорт полковнику приходилось делать кучу отписок, и Серов его уже задрал.) В своей речи полковник не стеснялся идиоматических выражений, говорил образно, доходчиво... но потом вдруг замолчал, пожевал губу, почесал затылок и сказал: «Ты извини, сынок. Я знаю, что твой отец – офицер-фронтовик. И брат твой служил в наших войсках. Но не могу я тебя туда отправить. Понимаешь? Не-мо-гу!» И Юрка опять остался на Земле.

Следующие три года он работал в родном институте – в лаборатории, которая конструировала волоконно-оптические датчики перемещений всего лишь для самолётов.

В перспективе Юрка отучился бы в аспирантуре, защитил бы кандидатскую диссертацию, а потом, глядишь, и докторскую...

Но грянули 90-е, и жить, а тем более содержать семью на институтскую зарплату – Юрка женился ещё на четвёртом курсе, а на пятом родился сын – стало невозможно.

К тому же начались семейные неурядицы. Пять лет после свадьбы – первый семейный кризис. Юрка как-то быстро запутался в женщинах. И старший, видя Юркины метания, позвал его на Север, в посёлок Северный в Аэрокосмогеологическую партию. А вот начальником той партии был... не поверите! Герой Советского Союза, лётчик-космонавт... да, собственно, не важно, какая у него была фамилия, главное – это самый настоящий космонавт! И пусть Юркина мечта не сбылась, пусть он никогда не полетит в космическом корабле (взмахнув рукой и сказав: «Поехали!»), но для него много значило, что он будет работать с человеком такой необыкновенной профессии. К тому же в посёлке их, аэрокосмогеологов, так и называли – «космонавты»...

Про «космонавтов». Отступление

Как-то в мае (то ли 92-го, то ли 93-го) полевая бригада Аэрокосмогеологической партии поехала в одну из сейсмопартий с задачей провести подповерхностную радиолокацию некоторых участков сейсмических профилей... Нет-нет... мы не будем вдаваться в подробности этого интереснейшего геофизического метода, они захватывающе интересны, но не имеют прямого отношения к повествованию.

Приехали в «сейсму» поздно вечером. На партийном (именно так! Не на партийном, а партийном) узике «буханке». Заселились в балок, поужинали и легли спать.

К тому времени весь личный состав партии уже съехал – оставалось буквально три человека. Одного из них аэрокосмогеологи видели при въезде на территорию партии: тот вывалился из дверей вагончика – босой, по пояс голый, с охотничьим ружьём, которое безуспешно

пытался переломить – хотел вставить патрон. Пьян был – в умат! Непokoйный оставался кол-лектив в партии, мятежный...

В четыре утра к ним без стука ввалился водитель вездехода и зычным голосом потребовал:

– Космонавты! Кто тут у вас командир корабля?

Старшим в бригаде был Юркин брат Ярослав, он и отозвался согласно этикету сейсмопартии, мол, какого кому надо в такую рань? Ну и дальше в таком духе.

– Не сердись! – примирительно сказал водила. – Пилоту своему разреши сгонять со мной до бабульки. Ракетного топлива купить надо...

Полевое правило номер один гласит: хочешь иметь хорошие отношения – иди людям навстречу. И старшой махнул рукой: «Поезжайте!»

Через час гонцы вернулись с трёхлитровой банкой самогона и пару часов «заправляли баки». А по окончании Коля Незавибатько – так звали водителя вездехода ГАЗ-71 – пришёл в балок с предложением прямо сейчас, прямо в семь утра, отвезти бригаду на работу. И повёз! По пути специально роняя вездеход в снежницы. В мае на болотах Севера ещё всюду лежит снег, но уже много протеек – снежниц. После каждого такого попадания водитель «строил» бригаду – те цепляли к гусеницам брёвна с крючьями, и Коля, надрывно ревя двигателем вездехода, выползал из снежно-водяной ямы. На пятой или шестой снежнице один из аэрокосмогеологов – Николай Колганов – пообещал набить тётке морду, если тот ещё раз рухнет в лужу. Водила пытался отбрезаться, мол, «ничего же не видно». Но Колганов ему популярно, согласно этикета сейсмопартии, объяснил, что и сам десять лет отработал на Полярном Урале и всё прекрасно видит и никак не поймёт, гля чего (именно так, с тюменским выговором, не «для», а «гля»), так вот, гля чего он всё это делает? Водила внимательно выслушал Кольку, внимательно оглядел остальных, снял треух, почесал затылок и сказал:

– Так вы же из Москвы вроде? Космонавты ж, говорили... Поучить хотел...

Хороший оказался мужик Коля Незавибатько – аэрокосмогеологи с ним потом стали большими друзьями.

А Север для Юрки стал стартовой площадкой.

В 94-м в Северном проходила выездная конференция ГИС-Ассоциации. К тому времени Юрка вплотную занимался геоинформационными системами и обработкой аэрокосмических снимков Земли. Конференция прибыла на летающей лаборатории Ту-154 Центра подготовки космонавтов. А возглавлял делегацию человек-легенда, человек-миф, дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт, генерал-майор авиации, начальник Управления теоретической и научно-исследовательской подготовки Центра подготовки космонавтов Владимир Александрович Джанибеков!

Если набраться смелости и выбрать десять самых выдающихся космонавтов-астронавтов-тайконавтов Земли, то наряду с Юрием Алексеевичем, Джоном Гленном, Нилом Армстронгом, Алексеем Леоновым и Ян Ливэем в этот список нужно обязательно включить Владимира Джанибекова. Пять полётов. Ручные стыковки, разморозка и реанимация «мёртвой» орбитальной космической станции «Салют-7». Полёты с женщиной – что само по себе подвиг. Два международных полёта... Титан! Глыба! И при этом – художник и мечтатель.

И такой человек прилетел в Северный.

Руководство аэрокосмогеологической партии – к тому времени собственный космонавт уже два года как уехал на Большую землю – во что бы то ни стало решило заманить к себе в гости генерала Джанибекова. И это удалось! А Юрка (о чудо!) был лично представлен Владимиру Александровичу как молодой, но перспективный специалист в области обработки аэрокосмических изображений. И через два года, уже работая в Северной нефтяной компании, он

в составе «сборной» посёлка был приглашён в Центр подготовки космонавтов для обучения и получения второго высшего образования.

А в мае 97-го в Звёздном состоялась защита диплома, где «сборная» из рук Джанибекова получила сертификаты ЮНЕСКО и дипломы о втором высшем образовании.

Вот так. Добрался Юрка до Звёздного. Он даже учился в Центре подготовки космонавтов. Если мечтаешь и веришь в свою мечту, она тебя обязательно доконает.

Но, конечно, это был не полёт в космос – это была только учёба... А в космос он чуть не полетел в 2000-м. Во всяком случае, так он всем врёт. А дело было так.

Как-то Юрка пришёл с работы, а Соня – жена – из кухни кричит:

– Юрка, там на полке, возле телефона... письмо из ЦПК – посмотри!

Юрка вскрыл, а там... Сердце лихорадочно забилося.

– Что там? – спрашивает Соня.

А Юрка отвечает:

– Приглашение в Центр.

– Зачем?

– Я не рассказывал? У них в проекте одного из выпускников отправить в космос. Пока учились, проходили медкомиссию. Я – готов.

К тому времени очки уже не были преградой к полётам: первый французский космонавт Жан-Лу Кретьен успешно слетал в космос в очках.

– К чему готов? – пришла узнать Соня.

– К подготовке к полёту. Вот, – Юрка протянул письмо, – приглашают на полгода на предполётную подготовку.

Услышав такое, из своей комнаты вышел пятнадцатилетний сын Влад, взял из рук отца письмо, быстро пробежал глазами и улыбнулся:

– Всё, маменька, собираемся в Звёздный – сбывается батина мечта!

Соня бессильно опустилась на стул.

– Когда лететь-то?

– Ну эт ты подожди... Нас же троих отобрали, – не моргнув глазом, продолжал врать Серов. – Может, я ещё и не полечу! Одного должны выбрать. Хотя если лететь на шаттле... – распухал от важности момента Юрка.

Услышав про шаттл, супруга оживилась и рванулась к письму. Да-да. Это было всего лишь приглашение на очередную конференцию... А казалось – всё так близко...

Полотенцем по дурной голове Юрке, конечно, досталось... и Владу тоже. А нечего подыгрывать отцу. Подвёл их шаттл! «Лучшее – враг хорошего». Надо было сказать про «Союз». Глядишь, Соня начала бы укладывать чемоданы...

А там... Мысль – она материальна...

Минуло почти двадцать лет.

Юрка и теперь связан с делами космическими. Он часто использует в своей работе материалы космической съёмки. Да и так интересуется: что, кто, куда и когда взлетел. И нет ему покоя ни светлым днём, ни тем более тёмной ночью... Вот, пожалуй, и всё.

Хотя нет – ещё есть несколько фактов, подтверждающих, что всё было не просто так...

Зовут его Юрий.

Детский сад, в который он ходил, назывался «Ракета».

Сын Влад после армии полгода проработал на заводе «Прогресс» и даже принимал участие в трансляции запусков кораблей «Союз».

В Северном Юрка жил на улице Космонавтов.

А ещё: во сне он до сих пор летает...

А теперь серьёзно.

Юрка действительно с детства мечтал стать космонавтом. Наверное, родился в такое время. Наверное, но не только. Он мечтал стать космонавтом даже тогда, когда узнал, какая это адская работа. Он действительно бредил звёздами и прочитал полмиллиона научно-фантастических книг о космических полётах. Кажется, про них он знал всё...

Но космонавтом так и не стал. Нет. Может, в другой жизни.

Но он гордится, что, живя в стране, которая дала миру Сергея Павловича Королёва, Юрия Алексеевича Гагарина, хоть немного, хоть одним пальцем, но всё же прикоснулся к чуду, имя которому – советская космонавтика. И сделал это, как ни странно, живя на Крайнем Севере.

А во сне он действительно летает. До сих пор. А ещё любит смотреть на звёздное небо – особенно в горах, где звёзды крупные, как вишни... и яркие, как уличные фонари.

Часть первая. Северный

Рассказ первый. Первая полевая работа

Представить Север без вертолётов и вездеходов невозможно. С них всё начиналось. На них доставляли первые грузы, с них выбирали места для будущих городов и посёлков, с них осваивались месторождения. Нередко они становились домом для геологов и первопроходцев. Но это, конечно, вездеходы.

Вездеходов на Севере два типа: тяжёлый – ГТТ, в народе «гэт», и лёгкий – ГАЗ-71, «газушка». Вертолётам поставлено много памятников, вездеходам – всего один, в Надыме.

И первая Юркина полевая работа напрямую оказалась связана с вездеходом. Так прямо, что прямее некуда.

Итак, он приехал...

Нет! Надо писать честно.

Он сбежал (именно сбежал, да! так правильно) на Север от своих женщин в девяностом. Внедрять вместе с братом новый геофизический метод – подповерхностную радиолокацию. Метод этот позволял оценить структуру верхних слоёв земной поверхности на глубину в пару десятков метров. Специальность у Юрки имелась подходящая – радиоинженер, хотя в инженерной геологии и в аэрокосмогеологии он был ни бум-бум. Но, как говорят, глаза боятся – руки делают, человек всему может научиться.

Основными потребителями информации о строении земной поверхности на Севере были строители, автодорожники, экологи и сейсморазведчики. Последние предлагали самый большой объём работ, а ещё для них всё выполнялось в реальном времени. И как раз к приезду Юрки поспели первые опыты промышленной эксплуатации подповерхностной радиолокации в сейсморазведке.

К этой работе Славка (Ярослав) Серов и уже упомянутый Колька Колганов сделали из многослойной фанеры здоровенную антенную систему – сани. Ширина их была такая, что полозья укладывались в колею вездехода. Предполагалось, что транспортировать её будет или «гэт», или «газушка». Система задумывалась гибкой, чтобы под нагрузкой могла гнуться и извиваться.

Ярослав, как выпускник авиационного института, считал, что основа прочности авиации – в гибкости, и, исходя из этой аксиомы, крепил все важные узлы саней резинкой от тросов. В целом антенная система получилась серьёзная и заслуживала всяческого уважения... Одних шурупов и эпоксидки ушло килограмма по два. А сколько ушло мыслей... А «огненной воды» – у-у-у-у!

С такой гибкой халабудой они втроем – Славка, Колька и Юрка – выехали в расположение четырнадцатой сейсмопартии Тюменской геофизической экспедиции. Основной целью их работы стала выдача рекомендаций по глубине закладки тротильных шашек. Сейсморазведка тогда была только взрывная. Рекомендации выдавались на основе данных лоцирования сейсмопрофилей, каждый из которых доходил до десятка километров в длину. Работа была рассчитана на пару недель. Жили в вагончике.

Заметим: Юрка на полевые попал в первый раз! До этого весь его опыт полевого складывался из жития на Волге – в палатке летом, лыжных прогулок на полдня в самарской деревне и книжек Санина про Антарктиду.

Конечно, его экипировали! Унты, тёплые штаны, водолазный свитер, полушубок, рукавицы. Ушанка – своя. Всё чин-чинарём. Хотя для Юрки такая одежда была внове, особенно унты – до этого он их видел только в кино про полярных лётчиков. Ну и погода его удивила: конец марта, а за бортом – минус двадцать пять!

Так как Юрка только приехал и ничегошеньки не умел, ему поручили самую простую, но ответственную работу. Он сидел в багажнике «гэта», отдельно от остального экипажа – Славки, Кольки и механика-водителя – с регистратором в руках и следил за его работой. Багажник был холодный, загружали Юрку туда во всём обмундировании, вручали регистратор и закрывали тентом, после чего он уже за бортом ничего не видел. А и смотреть было особо не на что. Вездеход на ходу поднимал облако снежной пыли, которая, кстати говоря, набивалась во все дыры, и после прохождения профиля Юрку откапывали лопатой.

Такая у него теперь была творческая работа!

Лоцировали обычно часов по пять. Потом приезжали. Варили макароны с тушёнкой или разогревали рисовую кашу с мясом, ели. Выводили данные с регистратора. Общались с главным геологом партии, выдавали рекомендации, намечали план работы на следующий день. Опять варили макароны с тушёнкой, ужинали и ложились спать.

Представляете, ещё вчера Юрий Серов в чистенькой и наглаженной троечке ходил по тёплым этажам второго корпуса родного авиационного института, его окружали интеллигентные люди, красивые и умные девочки. Профессора и доценты интересовались его мнением – и сам он уже потихоньку собирал материал для диссертации. А теперь? Дикие и грязные сейсмики, соляра, громыхающий вездеход, обмороженные уши, заусенцы на пальцах... и его никому на хрен не нужное мнение. Ибо он ничего не знает, не понимает и вообще. И куда интереснее выслушать рассказ пьяного буровика, что разбуривает профили под закладку зарядов. Такая метаморфоза. Но... «Бачили очі, що купували!»

Прошла неделя. Юрка даже как-то стал привыкать к работе. Уже пытался вникать в процессы вывода информации, а вечерами с любопытством прислушивался к разглагольствованиям Колганова. Колька был Настоящим Геологом и в жанре демагогических монологов начинал братьям курс геоморфологии.

Вживался Юрка.

Это случилось на восьмой день их пребывания.

Есть такое «это», которое обязательно случается, и, как правило, в самый неподходящий момент.

Всё было как обычно – утро, завтрак, погрузка в вездеход, транспортировка антенной системы на крыше вездехода, разворачивание её в режим скольжения за вездеходом, загрузка Юрки в багажник, подключение системы, движение, лоцирование...

Пошло «не так» часа через полтора. Они уже заканчивали первый на сегодня профиль, когда кабели, соединявшие антенну-сани и регистратор, вдруг стали натягиваться и дёргаться.

Обычно они свободно провисали и покачивались в такт движения вездехода. Юрка постучал в стенку кабины, но из-за грохота его никто не услышал. Он прикинул, по времени выходило, что скоро остановка, и повторно стучать не стал.

Только Юрка расслабился, послышался удар, и тут же вырвало один из кабелей, Юрка грохнул в стенку так, что в этот раз его услышали сразу – вездеход резко встал. Юрка выглянул из-под тента – сани антенной системы одной лыжей налетели на пенёк, систему перекосило, оборвало один из тянущих тросов и кабель.

Обрыв кабеля означал, что придётся возвращаться на базу и всё перепаяивать. Оценив ситуацию, Юрка выключил регистратор, снял его с себя и стал вылезать из багажника. Перебравшись через борт, он глянул назад – снег был совсем рядом – и спрыгнул. И тут же утонул по грудь. «Ни фига себе!» – удивился он и стал разворачиваться, чтобы вылезти к колее.

В этот момент вездеход, чтобы освободить натяжение оставшегося троса и кабелей, начал сдавать назад. И сдавал, зараза, со скоростью большей, чем полз Юрка, и, конечно, брюхом подмял парня.

Было ли Юрке страшно? Наверное, нет. Всё случилось слишком быстро. Он даже толком не понял, что произошло.

То есть – так-то всё понятно! Но неожиданно.

Юрка лежал, вдавленный в снег, а вездеход ещё некоторое время продолжал двигаться, но потом встал. Юрка понимал: надо дать знать, что он здесь, под вездеходом, но ни крикнуть, ни пошевелиться не мог, даже вздохнуть толком не получалось. Прошла минута, за которую Юрка много чего передумал, и тут вездеход начал двигаться обратно, освобождая Юрку из снежного плена. Как только он съехал, Славка с Колькой подхватили Юрку под руки и принялись трясти, бесконечно спрашивая: «Ты как, нормально? Нормально? Как ты?»

Человек только что побывал под вездеходом, а они его трясут, чудачки!.. И всё у него было нормально, только сильно болела спина. Всем экипажем Юрку втащили в кабину, уложили на скамью, подстелив полушубок, сели и закурили.

– Закурить дайте, гады! – голосом умирающего попросил Юрка.

Славка дрожащими руками достал из пачки сигарету, подкурил и сунул ему в рот:

– Ты на хрена из багажника вылез? – спросил он.

– Хотел сани оттянуть, – Юрка затянулся и выпустил дым.

– Э! – Колганов обычно так начинал обращение к людям. – Э! – в этот раз он обращался к механику-водителю. – Я тебе сразу крикнул: «Стой!»... А ты? Гля чего ехал, водила хренов?

– А чё я? – у водителя, когда он затягивался, тоже мелко тряслись руки. – Я сразу и встал.

Колька потёр лицо руками и повернулся к Славке:

– У нас водка в вагончике осталась?

– Ещё бутылка.

– Поехали!

– Сани погрузить надо. – Славка взял перчатки и стал их натягивать. – Ты как? – он смотрел на Юрку. – Твои тётки поубивают меня на хрен...

– Шутник, – кряхтя, Юрка попытался приподняться.

– Куда? – дёрнулся Славка. – Лежи!

– Отвали, Слав! Я что, и когда поедем, лежать буду? Мне так все позвонки вытрясет.

Схватившись рукой за борт, Юрка подтянулся и сел.

Славка с Николаем выбрались наружу. Увязая в снегу и матерясь, они загрузили сани на крышу, через пять минут «гэт» уже ехал на базу.

Той ночью Юрке приснился сон. Лежит он, подвернув под себя ногу, в заснеженной долине, и ему не хватает воздуха. Казалось бы, ничего не мешает, но он задыхается и никак не может вдохнуть полной грудью. От этого внезапно накатившего удушья Юрка проснулся – видимо, здорово его придавило.

Но уже через день спина позволила ходить и даже работать, а ещё через неделю Юрка совсем забыл о ней.

А вездеходы в Юркиной северной жизни ещё не раз доставляли удовольствие общения с ними. То их нужно было вручную вытягивать из болота, вырубая полгектара леса. (Но это водитель-механик дурак, а вездеход ни в чём не виноват.) То у них на тридцатипятиградусном морозе обрывало «палец» в гусенице, и приходилось махать кувалдой, загоняя новый на место, поминутно меняясь с тем же Колгановым, на морозе быстро сбивается дыхание и запросто можно получить воспаление лёгких. Но тут уж ничего не поделаешь: в тридцать пять и сталь становится хрупкой. То...

В общем, всякое было.

Но первый опыт общения с вездеходами Юрка не забудет никогда. А как тут забудешь, если нет-нет да и прихватит поясницу – и только укол анальгина может привести в чувство.

Так прошла первая Юркина полевая работа, во время которой он близко – можно даже сказать, по-семейному тесно – познакомился с вездеходами.

Так начался его Крайний Север, который растянется на долгие годы. Пройдёт совсем немного времени, и Он, этот Крайний Север, – станет Юрке родным и понятным. Но тогда, в первый раз, Север показался ему жёстким, негостеприимным, даже жестоким. Юрке сразу захотелось всё бросить и уехать. Но он остался. И не потому что геройствовал, просто возвращаться было некуда.

Интермедия. Колька

Колька Колганов был Настоящим Геологом.

Выпускник геологоразведочного факультета Тюменского «индуса» (индустриального института), он даже женился на географичке. Свою Варю он встретил на Полярном Урале, где работал после института на разведочной буровой. Она туда приезжала на геологическую практику как учитель географии.

Колька на два года младше Ярослава Серова – значит на двенадцать лет старше Юрки. В восьмидесятых он работал в Тюмени в Центральной аэрокосмогеологической партии, а в 88-м, по приглашению космонавта, переехал в Северный.

В Тюмени Колька ютился с семьёй в комнатёнке малосемейного общежития. Нужно сказать, и семья у него была небольшая: Варя и сын Сашка. В Северном Кольке пообещали двухкомнатную квартиру, пообещали и дали.

С Колгановым Юрка познакомился в первый же трудовой день. Был Коля невысокого роста, сухой, крепкий, с длинными чёрными волосами, всклокоченной бородой, в неизменных квадратных очках на утином носу. Очки эти у него постоянно ломались – он их чинил, они опять ломались, он их опять чинил. На вопрос: «Колганов, ты когда уже себе новые очки купишь?» – он неизменно отвечал: «Щас! Я на права в них сфотографирован!» У Кольки были «Жигули» – ВАЗ-2101, «копейка», по тем временам – ещё машина.

По профессии Колька геолог, по специализации геоморфолог и аэрокосмогеолог. Знающие люди говорили, что Колька – светлая голова, талант и что ему нужно защищать диссертацию, но сам Колганов, сплёвывая сквозь редкие зубы (многих после Полярного Урала у него не доставало), говорил, что он человек не научный, а практический.

А практик он был... о-го-го! В Аэрокосмогеологии его прозвали Кулибиным.

Был по характеру Колька балагур, чудила и выпивоха, знал бесконечное множество деревенских историй и случаев из жизни буровых Полярного Урала и травил свои байки с удовольствием под водочку и солёную рыбку.

– Народ на буровых глубокой разведки, на Полярном, – своеобразный. Вахтовики. И не по месяцу-два, как здесь, а по полгода и больше, пока скважина не отбурится. А бурили такие скважины у чёрта на куличиках – ни тебе городов, ни посёлков. На сотни километ-

ров голимая тундра. Двадцать-тридцать человек на полгода, и только радио. Почтище любого звездолёта! В основном, конечно, мужики, но три-четыре женщины в коллективе всегда были. Кухонные работники, поварахи там... И весь народ из Белоруссии.

«Прахади, не задёрживай!» – поварахи на раздаче так подгоняли.

За полгода весь коллектив сплавивался и становился родным. Через этих тёток. Там такая ротация происходила. Сами они друг дружку потом называли «сястра». «Сястра, подай хлеба!», «Сястра, налей чаю!».

И хоть там была ротация, всегда находились признанные авторитеты из мужиков. Работал у нас один тракторист, Сенька Лукашевич. Поварахи говорили про него просто: «Лучшие Сямёна никто не яб@т!» Простой народ... Простые нравы. Такие вот... «Прахади, не задёрживай!»

Кроме таких историй Колька знал ещё много чего. Был он неистощимый кладёзь афоризмов. Вся партия за ним повторяла: «Насрать, как говорила моя сестра Раиса». Юрка долго думал, что у Коли и правда есть сестра Раиса.

И всё бы хорошо... но был у Коли один недостаток, который, впрочем, по тем временам ни у кого не вызывал особого неодобрения. Любил Колька выпить. Где бы ни собиралась компания: в гараже ли, у Серовых ли в радиолокационной, в холле – всё равно. Только доставали бутылку спиртного и ставили на стол – через пять минут (можно было засекал по часам) появлялся Николай. Как он чуял – загадка природы! Но он никогда не был халявщиком. При наличии денег Колька проставлялся легко и непринуждённо: угощая всех и вся (правда, потом раскручивая на продолжение).

Юрку с Колей кроме работы – первые два года Юркиного полевого стажа Колганов выезжал практически на все полевые работы – связывало ещё и то, что Колька стал молодому Серову негласным наставником, старшим товарищем, а в общем – другом.

Началось это в мае 90-го. Юрка тогда только два месяца как переехал из Самары и маялся своими большими, как зубы, семейными проблемами.

Летом 89-го он отправил семью в Крым и нежданно-негаданно влюбился в студентку Аню. А уже к ноябрю оказался в цугцванге, из которого брат и пытался его выдернуть.

Любовь, она... В общем, бывают крайне болезненные состояния, при которых жить без любимого человека невозможно. Совсем! И хорошо, если это взаимно и человек свободен. А если нет? Вот тогда и возникают проклятые любовные треугольники... квадраты... дьявольские многоугольники... Такая приключилась с Юркой беда.

Сбежать-то он на Север сбежал, но окончательно решить ничего не мог. С одной стороны, семья – Соня с пятилетним Владом, с другой – Аня, и надо решать, кого везти в Северный. Надо. Но не мог Юрка взять и вычеркнуть из жизни хоть кого-нибудь! Не мог.

Ища поддержки, Юрка писал маме, но та одёрнула: «Сына хочешь бросить? Знать тебя не желаю!» В целом, старший придерживался того же мнения. С братом у него вообще вышел неприятный разговор. Славка обозвал Юрку безответственным маменькиным сынком, хлюпиком, интеллигентским сопляком, неспособным принимать решения. Юрка взбеленился и наперекор всем написал Соне письмо с просьбой дать развод. Как говорится, «принял решение».

Соня развод дала.

Но тут не выдержала Аня: «Я тебя не держу... Не хочу быть разлучницей... Возвращайся к семье!»

И всё окончательно запуталось...

С тяжёлым сердцем и нерадостными мыслями ехал Юрка в мае 90-го куда-то в район Сутормы (ему было всё равно куда): в грязь, в снег, в распутицу. Погода в мае ещё холодная, и снега кругом – предостаточно.

Выбрав место под базу, аэрокосмогеологи поставили палатку, установили печку и начали готовиться к завтрашней работе. Юрка в приготовлениях участия не принимал: его «никакая» квалификация позволяла ему болтаться без дела. Под предлогом поиска агатов – есть такая страстишка в Северном: осколки сердоликов и агатов в песках собирать – он ушёл в лес. Верёвку взял покрепче и ушёл.

В полутора километрах от баз он отыскал сосну с веткой потолще, перекинул верёвку, закурил и присел рядом на поваленное дерево.

Мерзкое у него было настроение. На работе не складывалось, его считали белой вороной – а то как же: аспирант! даже материться толком не умеет. С женщинами дела запутались окончательно. С братом отношения портились на глазах. Тот уже несколько дней совсем не разговаривал с Юркой, после его письма к Соне о разводе. «Бабы – бабами, а главное – семья!» – сказал он брату и постучал кулаком себе по лбу, намекая на умственную неполноценность младшего. Конечно, неполноценность! Юрке тогда всего-то было двадцать шесть. Жизненной мудрости, как у брата, ещё не накопил.

И вот так он сидел, сидел, курил, курил, думал, думал, пока на него не набрёл Николай.

– Э! Ты чего не отзываешься? – Колька пристроился рядом на бревно. – Тебя там ищут... Славка говорит, ушёл за камнями и уже два часа нет.

Колька закурил, сплюнул, внимательно осмотрел Юрку, глянул на верёвку и... всё понял. Рывком за грудки он поднял Юрку и коротким ударом в челюсть свалил в снег.

Нет. Топтать он Юрку не стал. Нужно было, наверное, но не стал. Вместо этого снова присел на дерево и достал новую сигарету.

– Охренел, да?! Я давно на тебя смотрю: всё молчишь-молчишь... Небось, о бабах своих всё думаешь? Бабы – зло! Хотя, конечно, без них херово... Вставай давай... – Колька протянул руку Юрке, но тот отмахнулся. – Зря! Не обижайся. В рожу получил – не обижайся... За дело! Ты, думаешь, один такой? Вон у Вокарчука подруга в Стрежевом осталась, а он жену с Украины везёт с дочкой. И у нашего космонавта жена молодая... Так что... – Колька несколько раз глубоко затянулся, напустил облако дыма и затушил сигарету о каблук, – дурака не валяй, снимай верёвку и пошли на базу. Жрать охота!

Юрка нехотя поднялся. Они вместе сдернули верёвку и пошли к палаткам. Колька шёл и рассказывал историю «про любовь».

– Любовь у тебя... Конечно, любовь! Только и она разная бывает. – Колька шёл своим чётким вымеренным шагом – этот его талант часто использовали на полевых работах, Колькой мерили расстояния.

– Жил у нас в деревне дед Митрич. Местный Щукарь. Вечно попадал в разные истории. Раз поехал зимой в Тюмень к сыну, к Саньке. Погостил, а на обратной дороге решил выпить в аэропорту пива. Давно не пил. Выпил пару кружек – и в самолёт. Самолёт Ан-2, местные авиалинии. Взлетели, летят... и тут Митричу в туалет приспичило, по-малому... Идёт он в кабину к пилотам, стучится, второй пилот открывает: «Тебе чего, дед?» А Митрич: «В туалет бы, сынки...» Пилот посмотрел на него, улыбнулся так хитро, подмигнул и говорит: «Ссы в штаны, дед – нет в кукурузнике туалетов», – и закрыл дверь. Митрич постоял-постоял и пошёл на место. «Потом, – рассказывает, – сижусь... ага, а мочи уже нет терпеть-то... и начал, значит, потихоньку себе в штаны пускать... А штаны ватные, толстые, не промокат снаружи, а внутри впитывают». В общем, справил нужду. Хорошо ему стало, и в штанах тепло. А тут и прилетели. Пока с районного центра в неотапливаемом автобусе доехал, штаны промёрзли и колом встали. Пришёл он домой, а Дуся, жены его, нет. Штаны снял и от греха на печку закинул, чтобы Дуся, значит, не ругалась. Сидит без штанов, чай пьёт. Тут Дуся от соседки вернулась и носом... носом: «Что это у нас, старый чёрт, ссатьём воняет?» А Митрич таким тонким голоском: «Енто откудова, Дусечка? Чать

в доме маленьких-то нету». «Да я, – говорит, – чую, что маленьких-то нет – пахнет-то как от старого кобеля!» И на печку шасть, нашла Митричевы штаны и давай его ими охаживать. Потом бросила и говорит: «Чёрт с тобой! Надоел. Живи как хошь, а я к Саньке уехала!» Деньги собрала, оделась и ушла, хлопнув дверью. А Митрич обрадовался, положил опять штаны на печку, достал заначку – бутылку самогона – налил, выпил, закурил и говорит: «Ну и хрен с тобой, дура старая! Сама надоела!» И ещё налил.

Загулял Митрич. По-чёрному загулял. Сначала всё в доме выпил, потом с друзьями все деньги из заначки пропил. Неделю гулял. Через неделю пить стало нечего, денег нет, друзей тоже...

Лежит Митрич в нетопленной избе под одеялом, с похмелья помирает. А на дворе скотина ревёт. Корова не доена, не кормлена. Овцы голодные – все плетни погрызли.

И тут распахивается дверь, врывается жена и с кулаками: «Ты чего, мать твою суку, устроил, гад фашистский, а?! Решил мне хозяйство угробить, ага?! Убью!»

А Митрич потом вспоминал: «Лежу я, слушаю её – а у самого слёзы текут: Дусечка моя любима приехала...»

С того майского дня Юрка с Николаем сдружились. О личных делах в коллективе он не распространялся, а с Колгановым мог вволю наговориться и часто бывал у того в гостях. Познакомился с Варей, с его сыном Сашкой. Они – младшие Серовы и Колгановы – даже потом «породнились», «поженив» домашних питомцев. Свели серовского кота Василия с колгановской Мусей. И котят потом вместе раздавали. Но это было уже позже, когда Юрка привёз в Северный семью.

К середине 90-х Николая назначили начальником партии. Партия была в кризисе, Колька хотел её вытянуть, но верхнее руководство «подставило» его. То ли у Колганова деньги какие-то пропали, которых и так не наблюдалось, то ли ещё что-то стряслось, в общем – беда. И Колька, махнув на всё, запил не хуже Митрича.

Потом выкарабкался, но запал прошёл. В поля ездить перестал, историй не рассказывал. Время от времени происходила в нём реанимация того, прежнего Кольки Колганова, и тогда в партии его можно было найти по громкому дружному хохоту. Но всё чаще это было связано с выпивкой...

В 96-м Юрка из партии ушёл. С Николаем они стали видеться редко. А когда в 98-м из партии ушёл Славка, отношения братьев с Колгановыми практически прекратились.

Последний раз Юрка видел его на прощании со Славкой в январе 2003-го

– Пошли мы с батей рыбу ловить. Понятное дело, сетку ставили. От деревни отходить далеко не хотелось, но тогда нужно было всю ночь сеть сторожить. Желających-то стырить сетку – до хрена кругом! И чтобы не торчать всю ночь возле реки, батя придумал поставить чучело. Обыкновенное чучело: крест-накрест палки, иляпа, куфайка, даже штаны... Сетку поставили и ушли.

Приходим рано утром – сетки нет! Чучело, конечно, на месте. Батя покрутился-покрутился, поискал – нет сетки! Взял весло, подошёл к чучелу и как даст по нему со всего замаха. Чучело повалилось, а батя ему и говорит: «Херовый из тебя сторож, ага!» Бросил весло и ушёл.

Колька достал сигарету, долго её мял, потупив голову, подкурил и, сделав несколько затяжек, подытожил:

– Давно у бати на могилке не был... Надо съездить.

Рассказ второй. В ответе за тех, кого приручили...

Компания «Таркосаленефтегаз» выходила на Восточно-Таркосалинское месторождение. Чтобы понимать, в каком состоянии оно находится и как бы там «не нагадить сверх меры», предприятие заказало аэрокосмогеологам экологический аудит.

Это только в жёлтой прессе пишут, что нефтяники и газовики бессмысленно убивают природу и изводят коренное население ради многомиллионных сверхприбылей. Но даже в самые тяжёлые годы, вначале 90-х, нефтегазодобывающие предприятия пытались по мере возможности сохранять природные ландшафты и тратили немалые деньги, заказывая работы экологам. Хотя и «гадили» тоже, много «гадили», чего скрывать.

На основе космических снимков космогеологи оперативно отстроили основу аудита – ландшафтную карту региона. Но карта без наземных измерений – как теория без практики. Нужно и зверушек посчитать, и травки. Посмотреть, как ведёт себя мерзлота. Где и на какой глубине залегают грунтовые воды. В общем, нужны полевые работы.

Нужны так нужны.

Восточно-Таркосалинское месторождение располагается в двухстах пятидесяти километрах к северо-востоку от Северного, в местах необжитых и пустынных. Единственное средство доставки полевой бригады – вертолёт. Не привыкать!

В десять утра шестого июня братья Серовы, Юрий Григорьевич Золевский и Игорь Вокарчук с полутонной груза выехали на уазике в аэропорт Северного – для вертолётной заброски. С Золевским был его старый пёс Буран – белая лайка.

Погода стояла гадкая. Начало июня на Севере – переходный период: не весна, не лето... Ни то ни сё. На Севере вообще нет сезонов в привычном для нас смысле. Климат контрастный. Как один хант говорил: «Сначала пыл снек, потом дощ, потом шар, потом комар, потом пах! – снек пошёл». В такой «снек, дощ, шар» и выезжали. Мелкий гадкий дождик сыпал с утра.

На вертодроме загрузили в вертушку необходимое для работы и проживания на болоте снаряжение: армейскую палатку с разделкой под печку, печку-буржуйку, пару зиловских аккумуляторов, комплект радиолокационной аппаратуры, мотобур со шнеками, пару ящиков с едой, четыре спальника, доски под спальники, лист плотного брезента на доски и ещё кучу всякого, казалось бы, ненужного, но на самом деле такого необходимого барахла – и стали ждать вылета.

Ожидание – дело тоскливое. Когда вертолёт выпустят, никому неизвестно: ни вертолётчикам, ни диспетчерам. Сколько сидеть – непонятно. Вроде бы, ложись и спи, но... На вертодроме всегда смертельно хочется курить. Всегда. Было бы можно, так бы не хотелось... Но на стоянке вертолётов даже спички в кармане запрещены, не то чтобы курить или, не дай Бог, прикуривать!

Через пару часов маеты наконец-то дали отмашку. Полевики пожали руку партийному водителю Гришке Бевзенко. Юрка руку жал аккуратно. За день до вылета он неудачно опёрся ладонью на горячий блин электроплиты, и теперь перебинтованная рука саднила, под бинтом во всю ладонь наливался волдырь. Запрыгнули в вертолёт и приготовились к взлёту.

Борттехник глянул в салон, пересчитал по головам и махнул рукой командиру. Плышался гул двигателя, и в иллюминаторе замелькали тени от лопастей. Вертолёт начал готовиться к полёту.

Интересно взлетают вертолёты из аэропорта. Обычно они, раскручивая лопасти, с лёгким наклоном, почти вертикально, взмывают в воздух и ложатся на курс. В аэропорту вертолёт изображает из себя приличный летательный аппарат: выполняет рулёжки, выезжает на взлётно-посадочную полосу, встаёт, ожидает разрешения на взлёт, разбегаётся, отрывается от земли

и некоторое время даже летит над ВПП... Только после этого, совершив пару-тройку эволюций, набирает положенные 150 – 200 метров и ложится на курс. Чисто Ту-154, а не Ми-8!

Первый пункт назначения: Тарко-Сале. Время полёта: два часа. Вертолёт должен забрать груз, чтобы отвезти ещё дальше на север, а по дороге посадить аэрокосмогеологов.

Ни разговаривать, ни спать из-за грохота двигателей не получалось – спал только старый глухой Буран. Все торчали в иллюминаторах, рассматривая проплывающие под ними: дороги, болота, леса, болота, реки, болота, озёра, болота, озёра, болота, болота, болота, озёра, бесконечные озёра и болота... Некоторые озёра с белыми кляксами, разбросанными по зеркалу воды, отсвечивали изумрудной зеленью. Эти кляксы – грифоны – выходы мерзлотного газа метана. Не все озёра ещё вскрылись, местами виднелись голубоватые острова льда. Но большая часть уже оттаяла и отсвечивала антрацитовая чернотой. Вода сверху – она чёрная, особенно в непогоду.

Через час подлетели к большой реке: Пяку-Пур.

Пяку-Пур – река интересная. Вдоль всего её среднего течения по северному берегу поднимается высоченный – метров в пятьдесят – бруствер, изъеденный песчаными раздувами. Бруствер – останец ледниковой эпохи: вероятно, русло древней реки, вывернутой песчаным дном после таянья льдов километровой толщины. Чуждая природа для глаза выходцев из средней полосы. Чуждая, но прекрасная!

Оставшийся путь вертолёт держался реки – и через час был в Тарко-Сале. Аэропорта там нет, только вертодром, поэтому вертушка без особых умствований села и выпустила пассажиров. Заправка и погрузка. Космогеологи отошли в сторону и наконец-то закурили.

– Ты место ещё раз смотрел? – жадно затягиваясь, опять мучил Золевского Славка.

– С-сто раз уже смотрел, – заикался Григорич, раздражённо чиркая спичками и подкуривая папиросу (курил строго «Беломор»). – Я же показывал... Там п-проточное озеро. Говорю же: без рыбы не останемся!

Основная полевая еда, тушёнка, приедается за два-три дня до изжоги, Юрка уже знал. И свежая рыба – это свежая пища. Рассказывали, ещё иногда бывает дичь, но редко и в основном осенью. Юрка на неё ещё не попадал.

– Ну-ну, – рассеянно покивал Славка.

– Чего н-ну-ну?! – взвился Григорич. – Чего н-ну-ну?! Я же тебе показывал! И Игорю п-показывал!

– Нет там протоки, – отмахнулся Вокарчук.

– Н-ну как же нет?! Как же... – Григорич защёлкал замками, доставая из полевой сумки снимок. И они втроём взялись в очередной раз рассматривать место, куда была намечена высадка, споря и отчаянно жестикулируя.

Юрка присел на корточки и почесал Бурану ухо.

– Что, собака? Нам по фигу, куда нас привезут! – Буран закричал от удовольствия, открыл пасть, вывалил язык и улыбнулся. – Ну точно по фигу!

– Эй, эколохи! – выкрикнул бортехник, – готовы?! Командир зовёт. Покажете, где вас выбросить...

Золевский с Игорем рысью потрусили к вертолёту, а Славка в очередной раз принялся «лечить» Юрку с Бураном, как будет проходить высадка:

– ...Золевский и Игорь остаются в вертолёте. Мы с тобой выпрыгиваем. Расстилаем кусок брезента и на него выгружаем, что нам подадут эти, – он кивнул в сторону вертолёта. – Сначала они подадут доски. Потом – продуктовые ящики и аккумуляторы. Мы их по углам брезента бросим. Потом всё остальное. – Славка тербил загривок Бурана. – Делаем быстро. Эти... – он снова кивнул в сторону вертолёта, – не любят долго висеть над болотом. Как всё выгрузим, мужики прыгают с ещё одним куском брезента, мы его раскрываем, укладываем сверху и ложимся на него...

– Чтобы не сдуло, – заученно поддакнул Юрка.
– Да. Чтобы не сдуло.
– А Буран?
– А что Буран? – Славка перестал гладить пса.
– Его как будем высаживать?
– Его-о-о-о... А хрен знает – пускай Золевский решает. Его собака – ему лучше знать, как она на вертолёт реагирует. Как рука?
– Нормально.
– «Нормально», – передразнил Славка. – Башкой соображать надо, куда руку суёшь! Ладно, пошли. Зовут. Буран! Буран! Фьють, айда, собака!
Забрались в вертолёт и расселись по местам. Игорь повернулся к Славке:
– Охренеть! Не знаю, куда они нас посадят... У них полётная карта – пятисотка. Там же ничего не видно.
– Пятисотка? Пятьсот тысяч?! – переспросил Славка.
Золевский и Игорь синхронно кивнули. Славка покачал головой и откинулся к борту.
– Что-то не так?! – сквозь шум запускаемого двигателя поинтересовался Юрка.
– У них карта: в одном сантиметре пять километров! На ней ничего не поймёшь. Ладно, – отмахнулся Славка, – на месте разберёмся!
Вертолёт набрал обороты, оторвался от земли и, круто поднимаясь, полетел на восток.
Минут через пятнадцать командир позвал показать, куда садиться. Славка с Золевским пошли вместе.
– Сейчас они науказывают! – заржал Игорь. – Они друг с другом-то договориться не могут, а теперь командиру все мозги вынесут!
Минут десять вертолёт клонился то влево, то вправо, а потом пошёл вниз. Славка с Золевским вернулись с красными от крика лицами. Видно было, старший Серов – злой.
– Приготовились! – выкрикнул он.
Ещё через пару минут вертолёт, коснувшись левым шасси моховой кочки, завис. Борт-техник открыл дверь, и Серовы прыгнули вниз. Под ногами было сухо, но зыбко, торфяная подушка пружинила. Славка развернул брезентовую подстилку и бросил на землю. Юрка принял от Золевского первый ящик с продуктами и ухнул его на один край подстилки. Славка тем временем держал другой. Юрка схватил ещё один ящик и поставил туда. Славка освободился, и они вдвоём скинули оба аккумулятора. Потом пошли доски и всякое барахло. Через пару минут с вертолёта прыгнул, подхватив Бурана, Золевский, а за ним – Вокарчук с брезентом. Игорь и Слава быстро развернули брезент и раскинули поверх вещей.
– Ложись! – показал рукой Славка. Все попадали, накрывая вещи телами. Буран тоже распластался на брезенте, прижав уши. Вертолёт раскрутил лопасти, оторвался колесом от кочки и быстро пошёл вверх, оставляя аэрокосмогеологов на болоте.
– Всё. Прибыли. – Славка перевернулся, присел и посмотрел вслед вертолёту, который, набирая высоту, разворачивался и ложился на курс, на север.
Поднялись, огляделись. Пейзаж нерадостный. Вокруг расстилалась тундра с мерзлотными буграми, окружённая бесконечными озёрами. И по-прежнему накрапывал мелкий, занудный дождь.
– Ну и г-где твоё п-проточное озеро? – передразнил Золевского Славка, подкуривая сигарету.
– Т-ты же видел! – стал опять заводиться Золевский. – Он же н-не туда нас посадил! Я ему с-сколько тыкал? Я ему... А он всё равно – сел, куда сам за-ахотел!
– А... Ладно! – Славка выпустил струю дыма. – Хрен ли теперь орать – давай думать, где палатку ставить. Пошли, посмотрим... Что тут у нас.
И они разбрелись осматривать территорию.

Территория оказалась такой, какой она представилась с самого начала. Тундра, тундра, тундра... Озёра и мерзлотные бугры. Северная пустыня. С одной стороны – вдалеке стояли одинокие кедр, с другой – тянулся ряд худосочных лиственниц. «Остров»... И где, спрашивается, ставить палатку? Нет! Это даже не самый главный вопрос...

– А где мы будем брать дрова?! – выкрикнул с другого конца «острова» Вокарчук. Вот самый главный вопрос!

– В жопе! – зло ответил Славка и пошёл в сторону кедров.

– Это обнадёживает, – согласился Игорь.

Игорь Вокарчук выпускник Киевского университета и почти Юркин ровесник. Игорь обитал в общежитии, в комнате, куда метил попасть Юрка. У Вокарчука была своя семейная драма: он любил одну женщину, а на Север привёз другую с дочерью. Почти как у Юрки. Только на тот момент Игорь выбор уже сделал, младший даже немного завидовал ему.

Юрка вздохнул, взял топор и отправился за Славкой.

За четверть часа братья дошли до песчаных раздувов, на которых стояли одинокие коряжистые кедр.

Раздувы – уникальное творение природы. Иногда их появление связывают с человеческой деятельностью. Дескать, содрал человек тонкий слой торфа или ягеля – и песок, который был под ними, начинает раздуваться, завоёвывая всё больше пространства, пока не остановится: либо водотоком, либо сменой песка на глину, либо мерзлотой. Последнюю ветер (а именно он виновник раздувов), обнажив с одной стороны, начинает «глодать», создавая другое природное творение, которое тоже приписывают нефтяникам-вредителям, – термокарст.

– Смотри, – Славка ткнул рукой, – сухие кедр.

Дошли до них. Прямо из песка торчала пара сухих кедров без верхушек. Рядом лежал кусок ствола с кучей сучьев.

– Вот и дрова. – Славка огляделся по сторонам. – Осталось перетаскать их к палатке.

– Может, палатку сюда? – Юрке место явно понравилось.

– Ага! И полтонны груза? А потом? Обратнo?

– Обратнo-то зачем?

– Затем... Вертолётнy на раздувы не садятсy – воздухозаборники забьёт. Им пылезасщитные устройства нужны, а их нет. Ладно, давай, бери, сколько сможешь, и тащи. А я ещё нарублю. Тебе с твоей рукой... – Славка забрал у Юрки топор и принялся рубить сучья у лежащего ствола.

Когда Юрка принёс дрова на болото, обнаружил, что мужики уже перетаскали вещи на мерзлотный бугор, возвышавшийся над местностью, и начали ставить палатку.

– На бугре-то не помёрзнем? – огляделся Юрка.

– Тут такая подушка торфяная! – Игорь попрыгал. – Не замёрзнем. А вы дрова нашли.

– Нашли. Таскать далеко только. Буран где?

– Вон, за аккумуляторами на подстилке. По фигу ему и дождь, и комар.

Комар! Комар уже вылез и начал потихоньку жрать. Потихоньку – это потому, что пока ещё холодно. Завтра пригреет – и он даст просратьсy!

– На бугре, значит, решили? – Славка тоже притащил кучу дров. – Эт-т правильно! Я тоже об этом подумал... Воду во-о-о-он в той луже брать будем, а дрова натаскаем... – и он с грохотом свалил сучья возле костра.

Золевский с оптимизмом поддержал Славку:

– Я же пилу взял. Ручки приделаем – дров на-напилим...

– ...и рыбы на-наловим... – добавил Славка, и все засмеялись.

Следующие пару часов они пилили и таскали дрова, ставили палатку, выкладывали настил из лиственничных брёвнышек и привезённых досок, устанавливали печку, носили воду. И всё время, не прекращаясь ни на минуту, моросил дождь. Космогеологи вымокли до нитки.

У Юрки лопнул волдырь, и теперь невыносимо саднила рука. Хорошо бы перебинтовать... да толку? Если перебинтовать, надо держать руку в покое... А работать кто будет? Пушкин? Больничный же не выпишут...

– Всё! Шабаш! – Григорич вогнал топор в бревно. – Вода вскипела, пошли, перекусим чего-нибудь...

– Пошли, пошли, – выглянул из палатки Славка. – Я свет уже сделал.

Григорич достал из рюкзака банку кильки в томате, открыл и сунул Бурану. Буран запыхтел, зачавкал.

– Всякой ты его гадостью кормишь! – пожалел собаку старший.

– Сейчас пусть это жрёт, завтра кашей накормлю.

– А сколько времени? – Вокарчук поглядел на небо.

– А полдевятого, – в тон ему, посмотрев на свои карманные, отозвался Славка.

– А ни хрена же себе... – Юрка почесал затылок. —

Светло же...

– А чего ты хочешь: белые ночи! – Игорь хлопнул Юрку по мокрому плечу и толкнул к палатке. – Забирайся, у меня презент есть.

– Презент? Какой презент? – засуетился Золевский.

– А такой!

Игорь забрался в палатку и достал из рюкзака бутылку рябины на коньяке.

– А-а-а-а-а! – взвыл Славка. – Высокий класс!

Он уже накрывал импровизированный стол из ящиков:

– Давайте устраивайтесь... Я тут сала, колбасы из дома... Завтра нормальной жратвы наготовим, а пока этим перекусим.

Игорь разлил по кружкам. Молча чокнулись, выпили и взяли по бутерброду. Через пару минут внутри потеплело, растеклось...

– Ну и хрен с ней, с рыбой! – первым высказал общее мнение Славка. – Без неё – как с ней.

И полез настраивать приёмник ВЭФ, он его таскал с собой во все поля.

Утром Юрка проснулся, когда ещё все спали. Что-то его толкнуло. Он поднялся, оделся и вышел из палатки. Вовсю светило солнце. Тёплое, ясное утро. Рядом с Бураном на корточках сидел Юркин пятилетний сын Влад и гладил собаку. Влад?! Собаку?! Он же до смерти их боится...

– Привет, Владь.

– П'гивет... – Влад немного картавил.

– А мамка где? – Юрка присел рядом с Владом.

– Вон, возле кост'га.

Юрка повернулся и увидел Соню, она что-то помешивала в котелке.

– Привет.

– Привет, – повернувшись к Юрке, улыбнулась Соня...

– Юр. Юра. Юрка!.. – кто-то шипел над Юркой. Он открыл глаза и увидел брата. – Пойдём, чего покажу, – Славка старался говорить шёпотом, чтобы не разбудить остальных.

– Палыч, сколько времени? – спросили голосом Вокарчука из крайнего спальника.

– Восемь! Там у нас мороз и солнце! Я уже кашу сварганил.

– Восемь?! – заговорил и зашевелился ещё один спальник. Открылся верх, и оттуда показалась бородастая лысая голова Григорича. – Вставать пора, однако.

– Ты чего, Юр, стонал? – Игорь выбрался из спальника и теперь последовательно надевал штаны, энцефалитку, натягивал сапоги. – Сон, что ли, эротический видел?

– Сон. Не эротический. Но яркий... Про своих.
– Это багульник, – зевнул Золевский, выползая из спальника.
– Чего багульник? – не понял Юрка.
– Багульник... Лёгкий галлюциноген. У меня на болоте всегда сны цветные. Багульник!
– И не только багульник! – у Славки возбуждённо блестели глаза.
– У этого уже глаза блестят... Ты чего нанюхался?! – Золевский нацепил очки. – Пациент беспокойный!

– Пойдём – покажу, – и Славка выбрался из палатки.
– Пойдём, посмотрим... – Юрка полез за ним.

Погода стояла сказочная. От вчерашней слякоти не осталось и следа. Небо было яркое, синее; ослепительно светило белое солнце, болото тихо парило. Буран неподвижно лежал возле костра, положив остроухую морду на передние лапы, и двигал глазами, наблюдая за людьми. Над костром висел котелок, в нём булькала и дымилась каша.

– Смотри. – Славка присел и потянул за ветку молоденькую лиственницу, которая росла возле входа в палатку.

– И что?
– Видишь цветочки розовенькие?
– Всё-таки нанюхался...
– Да ты посмотри!

Юрка пригляделся и действительно увидел на кончиках веточек что-то, похожее на розовые цветы.

– Понюхай.

Юрка наклонился и принюхался.

– Что, наркоманы? – поинтересовался вылезший из палатки Золевский. – Чего нюхаем?
– Лиственницу.

Аромат, который источали мелкие цветочки лиственницы, был тонкий, нежный... едва заметный.

– Интересно... здесь же нет пчёл... – удивился Юрка. – Для кого она так пахнет?

– Для Палыча, – присоединился к Серовым и Золевскому Вокарчук. – Он у нас всегда всё нюхает. Дайте мне нюхнуть, а лучше дайте чего-нибудь пожрать.

– А всё готово. Григорич, я твоему Бурану вчерашнюю колбасу скормил.
– Балуеть ты его!

Буран услышал, что говорят про него, повернул к Славке глаза и вежливо постучал хвостом, тихо посвистывая носом.

За завтраком они распланировали день:

Григорич идёт в дальний обход на восточную сторону месторождения, возможно с ночёвкой, – у него там свои задачи лесника;

Игорь остаётся на базе на хозяйстве: заготовить дров, сварить ужин. Кроме того, он займётся дешифрированием аэроснимков, сличая их с местностью;

Серовы выбирают профиль под локацию и намечают точки контрольного бурения;

Буран, как пенсионер, сам решает, что ему делать.

Пока собирались, Буран всё крутился возле хозяина, но когда тот, закинув рюкзак за плечо, взял ружьё и свистнул пса, – только грустно посмотрел на Григорича и пошёл к костру.

Всё! Закончилась молодость... Он и в прошлый выезд, без ночёвок, никуда с Григоричем не ходил. Вместе с младшим Колгановым оставался на базе, где они на пару тырили печенье из общих запасов. Точнее, тырил Сашка, а Буран потом припирали его к дереву и отбирал. Сашка отпихивал пса ногой, но не тут-то было: восьмилетний пацан ничего не может сделать со взрослой лайкой, даже если та лайка – уже старик. В тот выезд все видели, как собака может

быть слепой как старый дед. Буран натывался на лопату до глухого удара мордой. Старость – не радость.

И в этот раз Буран решил: не нужны ему эти прогулки. Пошёл и лёг возле костра. Тем более уши, лоб и голое брюхо Григорич от гнуса намазал ему «Дэтой». А для носа пёс ещё с вечера сам выкопал яму, куда и прятал морду.

Григорич с досады крякнул и ушёл.

А ещё через полчаса ушли Серовы. Они собрались осмотреть западную часть месторождения, изучить раздувы... ну и за одно всё же поглядеть: нет ли подходящих для рыбалки мест? Надежда поставить сетку не покидала космогеологов. Причём именно сетку, никто же не собирался стоять с удочкой – просто некогда!

В поиске рыбы Славка ориентировался на чаек, летало их вокруг великое множество, разных видов и разных размеров. Но Славку такое изобилие пернатых не могло сбить с толку. Он вооружился справочником «Птицы Севера» и был уверен: раз чайки есть – значит рыба есть!

Ближе к полудню воздух прогрелся, и «наконец» появились комары – радость несказанная! Комаров налетало много, по самарским меркам – прямо-таки до хрена! Но старший уверял, что комар ещё «вялый», ещё «не встал на крыло». Юрке от этого легче не стало: он кутался в энцефалитку и мазался «Дэтой». Намазаться тщательно не мог – мешала повязка на руке. И несмотря на все принятые меры, комар с нарастающим аппетитом жрал Юркино нежное аспирантское тело. Славка посмеивался. Старший кроме справочника по птицам взял фотоаппарат и прикидывал: что бы ему такого снять. Это сейчас фотоаппараты нещадно эксплуатируют, нажимая кнопку спуска по любому поводу. А в те стародавние времена в аппарате была заряжена плёнка на 36 кадров, особо не расщёлкаешься, и превью нет. Но один кадр младший себе выпросил. Юрка стоял в расселине по колено в снегу, а над его головой вилась туча комаров. Под фотографией Юрка потом подписал: «7 июня 1990 года» и отослал Ане.

К четырём Серовы вернулись на раздувы – и тут же были атакованы крачками, небольшими чайками с хвостом-вилкой, как у ласточек. Птицы зависали в воздухе и из такого положения бесстрашно пикировали на незваного гостя. Старший решил, что это как раз «тот кадр». Он поставил младшего на возвышенность и велел не уворачиваться от чаек. Юрка пугался бесстрашных птиц и отгонял их лопатой. А Славка кричал: «Не бойсь, брательник, они не кусаются!» Может, и не кусаются, но схлопотать острым клювом по голове в Юркины планы не входило, и он продолжал размахивать лопатой. Наконец Славка поймал удачный кадр – как ему показалось, и нажал кнопку. И Серовы повернули в сторону лагеря.

К шести окольными путями они добрались до своей кочки. Игорь к тому времени приготовил рисовую кашу с тушёнкой, что было как нельзя кстати: есть хотелось неимоверно.

Так прошёл второй день.

Григорич на базу не вернулся, но его особо не ждали: тот с самого начала рассчитывал на пару дней соло.

На сон грядущий старший принялся читать вслух книжку «Птицы Севера». Оказалось, чайки питаются Где угодно и Чем угодно, до целлофановых пакетов включительно, и места их обитания никак не связаны с рыбой... А крачки стаями способны прогнать медведя, бесстрашно атакуя его острыми клювами. «Не укусят они... ага», – ворчал Юрка.

Ночью ему опять снились цветные сны: но какие и про что – он не запомнил.

Наутро Славка снова поднялся раньше всех и приготовил молочную кашу – полевые бригады возили с собой банки концентрированного молока. Остатками вчерашней каши – накормил Бурана.

За завтраком старший предложил времени не терять и всем троим идти на профиль: сразу и лоцировать, и бурить. И завтра, снова втроём, пройти в крест сегодняшнему профилю –

таким образом получить полное представление о грунтах месторождения. А чтобы вечером было чем ужинать, Славка наварила каши с тушёнкой.

Буран, когда мужики уходили, поднялся и долго провожал их взглядом, пока те не перевалили за очередной мерзлотный бугор.

В целом день получился обыкновенный. Славка лоцировал, Юрка с Игорем пробурили пять скважин на восемь метров – зафиксировав, по выражению Игоря, «пески до глубокого обморока».

К шести они вернулись на базу и застали там Григорича. Он возился с костром, собираясь разогреть кашу.

– Б-буран с вами? – первым делом поинтересовался он.

– Нет, – Славка снял с себя аппаратуру, отстегнув провода. – Он на базе оставался, когда мы уходили. Может, спит где? Или погулять пошёл?

– М-может... Я полчаса назад пришёл – его нет. Ладно, хрен с ним. Побегает – вернётся, – и Григорич продолжил разогревать кашу, помешивая её длинной ложкой.

– Конечно, – негромко заметил Игорь, – побегает. Собака-то совсем молодая...

Золевский глянул на Вокарчука, но говорить ничего не стал, только недовольно хмыкнул.

После ужина Серовы занялись выводом на самописец. Игорь делал описание проб, а Золевский разбирал свои травки.

Часов в десять, когда уже стало холодать, Славка осторожно поинтересовался у Григорича, что он думает делать – Бурана-то нет.

– Ага! Искать его пойду! – взорвался Григорич. – Мне делать больше н-не хрен, как только лайку, за-заблудившуюся в тайге, искать!

– Старый он у тебя, – возразил Славка.

– Пропадёт – и хрен с ним! – плюнул Золевский. – Спать давайте!

Они легли, но никому не спалось. То один, то другой поднимался, выбирался из палатки, садился на бревно, курил, ворошил костёр, и разглядывал солнце, которое никак не хотело садиться за горизонт. Наконец к двенадцати утомонились.

К утру Буран не вернулся.

Золевский уже не хорохорился и ходил мрачный как туча.

– Вот куда он, зараза, пропал?! – в конце концов не выдержал он.

– Искать надо, – предложил Славка, собирая рюкзак на профиль.

– Где? Куда идти-то?

– По твоему вчерашнему маршруту. Он же тебя встречать пошёл.

– А работать к-когда будем? – Золевский был расстроен, растерян. Он не знал, что делать.

– Ну хорошо... – Славка отложил рюкзак и взялся за аппаратуру. – Давай подождём. До вечера. Действительно, стрёмно лайку искать в тундре. Мужики, вы готовы?!

– Готовы, готовы... – Юрка с Игорем выбрались из палатки.

И разошлись. Григорич ушёл на запад, а у остальных был профиль в крест.

Снова к шести радиолокационная группа вернулась. Григорича ещё не было, впрочем, как и Бурана. По-быстрому сварили макароны с тушёнкой, Славка при этом приговаривал: «Щас дух тушёнки до них дойдёт – и они оба прибегут как миленькие...» Но прибежал один Золевский. Причём прибежал с востока и был при этом сильно расстроен. Он вернулся уже часа полтора назад и сразу ушёл по старым следам – искать Бурана. И... не нашёл.

Григорич сидел, курил и рассуждал вслух, куда же могла пропасть собака?

Серовы молчали, а Вокарчук разглядывал снимок, будто на нём можно было увидеть, где сейчас Буран.

– Ладно, – сказал Славка, затушив сигарету, – с таким настроением всё равно жрать не хочется. Пошли искать! Чего ты там, Игорь, высмотрел? Рассказывай!

– Смотрите, – Вокарчук разложил снимок на полене. – Вот так шёл Григорич... А вот здесь, южнее, длинное озеро. Если Буран ушёл туда, то тогда он не может пройти к нам. Напрямую – озеро мешает, а в обход – сил нет. Посмотрим?

– Километра... три получается? – прикинул Славка.

– Три д-двести, – автоматически уточнил Григорич. – Пошли.

– Ага. Только давай звать.

Они двинулись веером. Золевский пошёл своей старой дорогой, Игорь – на южный конец озера, а братья – к озеру напрямую. Толку от Серовых ожидалось немного, но учитывая, что пёс был белый, они могли его разглядеть первыми. Минут через тридцать первым собаку позвал Золевский. Потом крикнул Бурана Игорь. Потом стали орать Серовы.

Ещё минут через десять братья подошли к озеру. И тут Славка вдруг встал, пристально глядя в противоположный берег.

– Юр! Смотри, во-о-о-он там! Что-то белое?

– Где? – не мог сориентироваться Юрка и вертел головой.

– Да вон! В той ложине! Видишь – между двух листвянок?

Там действительно шевелилось что-то белое.

– Думаешь, Буран?

– Вроде собака...

– Пошли к Золевскому?

– Ты давай к Григоричу, а я – к Игорю. Мы его, паразита, в клещи возьмём! – И Славка двинулся вдоль озера направо.

– Только ты это... – окликнул его Юрка. – Не зови уже... Не сбивай.

– Ладно, – махнул Славка и пошёл, высоко задирая на кочках ноги.

Юрка ещё раз глянул в сторону Бурана и направился к Григоричу.

Золевский меж тем продолжал кричать и высвистывать пса. Юрка шёл вдоль озера и видел, что Буран – а теперь его уже отчётливо было видно на фоне серо-зелёной тундры – движется навстречу Григоричу. Когда до Григорича оставалось метров пятьсот, Юрка стал ему жестами показывать в направлении Бурана. Григорич обратил на Юрку внимание, остановился и стал вглядываться. Звать он в этот момент перестал. И Буран лёг! Он не видел людей. Он шёл на голос. Вот тебе и глухой!

– Зови его! – крикнул Юрка. – Зови!

– Бура-а-ан!!! – изо всех сил заорал Григорич. Пёс поднялся и пошёл.

Через двадцать минут Золевский добрался до него, поднял, перекинул на шею и повернул обратно.

Юрка тоже развернулся и пошёл к базе. Не доходя километра, он нагнал Григорича.

– Н-нет у него сил, – Григорич шмыгнул носом, – с-совсем... Боюсь, с-сдохнет.

– Да ладно... – начал Юрка, но осёкся. Голова пса безвольно висела на плече хозяина, из носа стекала струйка крови, глаза были открыты, а в них – такая тоска... что Юрке самому захотелось плакать.

Дойдя до палатки, Григорич аккуратно положил пса на землю, вытер ему нос, налил в миску воды и подsunул под морду. Почувяв воду, Буран несколько раз лизнул, но потом убрал голову и закрыл глаза.

– Как он? – поинтересовался Славка, когда они с Игорем подошли.

– Хреново... – Григорич сидел на бревне напротив Бурана и курил.

– Может, мы его это... в палатку сегодня?

– Обойдётся – пусть здесь отходит... если отойдёт... Или уже совсем отойдёт. – Золевский бросил в костёр папиросу, поднялся и открыл банку рыбных консервов в томате.

– Опять ты ему гадость! – возмутился Славка.

– Н-не ори! – осадил его Григорич. – Любит он эти консервы. Любит.

Пёс не сдох и к утру оклемался. Выпил всю воду, съел консервы и даже поел немного макарон. Когда мужики поднялись, он встретил их в любимой позе возле потухшего костра: морда на передних лапах, уши торчком.

Золевский с минуту смотрел на него, а потом дрогнувшим голосом произнёс:

– Лучше бы ты с-сдох вчера... За-за-раза.

Буран виновато присвистнул и постучал хвостом.

В тот день он от костра не отошёл ни на шаг. И в следующий. И даже когда космогеологи затеяли пробурить на вершине бугра скважину в мерзлоте и надрывно выли мотобуром почти три часа, он только отошёл немного дальше и снова лёг, всем видом показывая, что никуда он больше не двинется. Хватит. Нагулялся.

***

На шестой день с утра ждали вертолёт, был уже обед, но ни один пролетающий борт не обращал внимания на четырёх экологов с собакой.

Они лежали на накидке, раздевшись по пояс – ветерок отгонял комаров – и грелись в ску-
пых лучах северного летнего солнца. Буран пристроился в ногах у хозяина. За пару дней он оклемался, но всё равно от палатки отходил не дальше чем на десять метров, да и то по нужде.

Время шло, вертолёт не было.

Самое гадкое – вот так ждать! Хорошо, если погода приличная. Можно и палатку снять, и печку затушить. А если дождь и снег?

– Всегда так ждать приходится? – вяло, не открывая глаз, поинтересовался Юрка.

– Когда как... – Вокарчук поднялся и окинул взглядом небо. – Они капризные, вертолётчики эти... Тебе Ярослав Палыч не рассказывал, как мы общались с ними на Чучу-Яхе?

– Не рассказывал, – отозвался сам Славка, он приподнялся на локте, достал сигарету и подкурил. – Это когда было-то? Год назад, что ли? Мы на точку прилетели – я её два дня по снимкам выбирал – командир так же вот отказался садиться, куда я показал. Сказал, берёза высокая – за лопасти, мол, боится. Ну и посадил прямо в болото. Чуть не в няшу! – Славка затаился и выдохнул. – Потом задолбались вещи таскать на гриву. Метров двести по болоту. Хорошо, вещей меньше было. Я напоследок ему сказал: вырублю берёзу к херам и построю ему вертодром, гаду! И сколько дней там жили, ходил с утра – строил площадку. Вырубил всю берёзу под корень, поросль сжёг... – Славка сделал ещё несколько затяжек, затушил сигарету и кинул в лужу. – Я ему даже крест выложил...

– И чего?

– Чего-чего... Ничего! Он прилетел и сел в пятидесяти метрах от площадки в такой же березняк. По хрену ему та берёза – он её потоком от лопастей гнул. Двигатели же он не останавливал!

– И мы, как балбесы, таскали вещи с площадки к вертолёту! – смеялся Игорь. Он достал из ящика пачку печенья и распечатал её. Буран, услышав знакомое шуршание, ползком перебрался поближе к нему, метя хвостом.

Славка продолжил:

– Спрашиваю: чего на площадку-то не сел? Он: а там песок! А пылезащитников у меня нет! Вот такие они орлы... вертолётчики эти. – И Славка опять откинулся на полог. – Золевский! Спишь?

– Нет.

– Как думаешь: будет вертолёт сегодня?

– А хрен его знает! Сейчас вот так полежим-полежим и п-пойдём палатку ставить.

Игорь и Буран хрустели. Пёс не переживал, будет сегодня вертолёт или не будет, – он лежал рядом с хозяином, его угощали любимым печеньем, а остальное ему было до лампочки. И всё-таки в тот день за ними прилетели!

К часу дня на горизонте показался Ми-6, и поначалу они на него даже не взглянули. Какой чудак будет посылать «грузовик» за экологами-геологами куда-то в таркосалинские болота? Но чем ближе слышался характерный свист пятнадцатиметровых лопастей воздушного гиганта, тем меньше у них оставалось уверенности, что таких чудачков нет. Когда вертолёт завис над ними, размётывая незакреплённые вещи, они кинулись одеваться и собирать.

Садиться в такие огромные вертолёты и грузиться трудно, особенно с болота. Помог экипаж, его в Ми-6 аж пять человек – у них даже штурман есть (непонятно зачем). Про него сами вертолётчики сочинили стишок: «Ручки вместе, ножки вместе – получаю тыщу двести».

В Тарко-Сале их встретил Гришка. Он подогнал уазик прямо на поле вертодрома под разгрузку, помог мужикам загрузиться. Перед тем как тронуться, заглянул в салон и поинтересовался:

– У меня два вопроса: как Буран и как у Юрки рука?

Юрка разбинтовал руку, посмотрел на неё – уже совсем поджила.

– Смотри, – показал он Гришке.

– Поехали. Буран, я и сам вижу, хорошо...

– Люди забыли эту истину – сказал Лис. – Но ты не должен её забывать. Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили. И ты отвечаешь за свою розу...

– Я отвечаю за свою розу... – повторил Маленький принц, чтобы хорошенько это запомнить.

(Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»)

Интермедия. Ваня

Полгода, после переезда в Северный, Юрка жил у старшего брата. Ярослав взял его в семью... третьим ребёнком. Даже раскладушку Юрке поставили в детской комнате, где на двухъярусной кровати спали его племянники: Славка (Ярослав-второй) одиннадцати и Сашка (Александра) двенадцати лет.

Но бесконечно так продолжаться не могло, Юрка жил без прописки, а значит, без талонов на сигареты, водку, масло и сахар. Последние два пункта стали головной болью для жены Ярослава, Инны. Семья большая, и лишний рот без талонов – проблема для хозяйки. Времена были тогда такие – невесёлые.

Осознав всю сложность ситуации, Юрка вытребовал себе жилплощадь в общежитии. Метил на комнату Вокарчука, но Игорь завис в ней на неопределённое время. И в ноябре Серов вселился в семиэтажку, в комнату, где уже было два жильца: татарин Ильдар и чуваш Иван.

Чем занимался Ильдар – не знал никто. Вроде бизнесом. Тогда было модно «заниматься бизнесом», и это могло означать всё что угодно, даже простую перепродажу чего-либо куда-либо. Вёл себя «бизнесмен» вызывающе: кроме бизнеса тогда в моду входил татарский сепаратизм, и у Юрки с Ильдаром из-за этого были отдельные проблемы. Хорошо, что Ильдар в общежитии появлялся редко, жил у своей подруги.

Другое дело – Ваня. Простой рабочий парень, водитель «лаптёжника» (КраЗ-225). Юрка познакомился с ним, ещё когда приходил смотреть комнату. Разговаривал Иван с акцентом. Как потом Юрка выяснил: родом сосед из деревни – крепкий, неуклюжий. Весь какой-то похожий на медведя.

Первые встречи, пока Юрка только заселялся и перевозил вещи, Ваня держался насторожённо. Никуда не сдался ему в простом рабочем общежитии очкарик и интеллигент Юрка. И Ваня всё никак не мог выстроить линию общения.

В день заселения Серов пришёл поздно, часов в девять. Ваня с товарищем сидели за столом и выпивали. Юрка поздоровался, сходил в ванную умылся, разделся и собрался ложиться спать. Ваня предложил выпить, мол, не по-людски, надо бы посидеть, познакомиться. Но у Юрки настроения не было, он без обиняков так и сказал: вернулся с полевых, сил нет... Лёг и тут же задремал.

Проснулся оттого, что Ваня несколько раз не по-доброму помянул его имя:

– Вот... б...ь, заселили очкарика... б...ь, пить он с нами не шелает... разговаривать не шелает... как же, интеллигенция! – Ваня говорил глумливым голосом, собутыльник гаденько подхихикивал.

Юрка повернулся в их сторону, глянул на стол, там стояли початая бутылка водки и два стакана, наполненных на треть. Значит, пока он дремал, успели ещё раз сбежать. В семиэтажном общежитии была куча точек, где можно было разжиться водкой в любое время суток. И теперь, изрядно поддав, парни искали развлечения.

– Ну и чё надо? – спокойно поинтересовался Юрка.

– Да так... стрёмно... Нет пы бутылочку принёс тля знакомства или хоть пы выпил за компанию, – гнул свою линию Ваня.

Юрка вздохнул, скинул с себя одеяло, поднялся и подошёл к столу. Взял пустой стакан, дунул в него, поставил, взял бутылку и, не глядя на Ваню и его друга, налил полный стакан. Поставил бутылку, поднял стакан на уровень груди, вдохнул-выдохнул и, не отрываясь, выпил до дна. Последние глотки дались с трудом, но Юрка задавил тошноту. Поставив стакан, он взял кусок хлеба, занюхал, куснул, положил на стол и, жуя, отправился к себе в кровать.

– Ни х... себе! – оценил Ванин друг.

– Юрка, ты кте так пить научился? – обалдевший Ваня рассматривал пустой стакан.

– В авиационном, – присев на кровать, доложил Юрка, – на радиотехническом. А теперь, мужики, всё! Спать хочу. Бутылку за знакомство принесу завтра. Договорились?

– Пес пазара. – Ваня сгрёб всё со стола и ушёл с товарищем квасить в другое место.

Так – классически, по-шолоховски – Юрка познакомился с Ваней. Но друзьями они стали позже.

В середине декабря Юрка вернулся из Тюмени, из Центральной партии. Вернулся и после пятидневного отсутствия застал Ваню в совершенно безнадёжном состоянии.

Ваня тогда не работал... И женщины у Вани не было... А русский мужик, даже если он чуваш, когда у него нет бабы и работы – пьёт. И потому все пять дней Ваня пил, не просыхая. И допился до того, что когда Юрка вошёл, удивился: откуда это Серов так поздно?

Юрка переспросил, в каком смысле?

«Ну как же, сейчас же три часа ночи!» – бредил наяву Ваня.

В декабре, конечно, темнеет рано, но на три часа ночи ситуация не тянула. Юрка при-смотрелся: красные глаза, одутловатое лицо, растрескавшиеся губы, и ещё, хотя Ваня лежал под одеялом, его била крупная дрожь.

– Давно бухаем?

– Как... ты... уехал, – икающим голосом признался Ваня.

– Ясно. Чего-нибудь жрал?

На столе стояла пустая консервная банка, валялся засохший кусок хлеба и одиноко воз-вышалась пустая водочная бутылка.

– Не. Неохота. Юр, а у тепя... чиколон есть? – последнюю фразу Ваня произнёс жалоб-ным просящим тоном.

– Нет, – задумчиво покачал головой Юрка.

По пятницам в Аэрокосмогеологии была баня. Но вести туда Ваню опасно: может и око-чуриться. С другой стороны, как-то надо выручать дурака. Разве что – ещё купить водки? Но выпьет же и через полсутки опять будет в таком же состоянии.

– В баню пойдёшь?

– В паню? – Ваня присел на кровати. Руки тряслись так, что если бы ему вручить палочки и барабан, Ваня выстукал бы ритм не хуже Ринго Старра. – А мошно?

– Можно-можно. Смотри не сдохни!

И Юрка стал собирать вещи для бани. Сосед сидел, потрясываясь.

– Чего сидим? – Юрка бросил в него полотенце. – Собирайся!

Через полчаса они шли по улице в сторону бани, а Ваня забегал вперёд, заглядывал Серову в глаза и всё выпрашивал: выпьют они после бани или нет? «Выпьем-выпьем», – успокаивал его Юрка.

Увидев в бане толпу очкастых и бородатых дядек, Ваня совсем растерялся – видимо, подумал, что попал в какое-то благопристойное место. Потихоньку разделся и сел в уголочке, сложив на коленях заскорузлые с чёрными пальцами руки.

– Сосед мой. Ваня, – представил Юрка своего чуваша главному инженеру партии Нестору Богдановичу Полещуку.

Нестор внимательно посмотрел на кадра и покачал головой:

– Давно пьёт?

– Пятый день. – Юрка снял крестик и положил на полку в шкафчик. Всякий раз забывает его снять, потом обжигается в парной.

– Хреново... Веди в парилку. Только следи, чтобы копыта не откинул!

Юрка махнул Ване и повёл.

Надо сказать, сам Юрка баню не любил. Вот как-то так он устроен. Он многое не любил из того, что любят другие. В баню Юрка ходил, так сказать, из корпоративного духа – хотя и это не красило его белые вороньи перья. Но он знал, как люди любят баню, и видел, как могут самозабвенно париться.

Но так, как парился Ваня, Юрка видел впервые.

Сорок минут! Сорок минут тот не вылезал из парилки. Он поддавал и поддавал, разогнал температуру до 120, опять поддавал и, в конце концов, залил всю печку, гад. При этом когда Юрка заходил – нет, забегал в парную, чтобы не ошпариться, – поинтересоваться, как он? – Ваня стегал себя веником, рычал и приговаривал: «Как я, п... ть, люблю паню! Ты, Юрка, претставить сепе не мошешь...»

Из бани они выбрались часам к девяти. Ваня шёл по тёмной морозной улице распаренный, расслабленный, но НЕ умиротворённый. Видно было: душа у него горит.

Не доходя до общаги, Юрка завернул на стоянку такси купить водки (90-й год – «сухой закон»). Потом зашли в круглосуточный магазин и взяли каких-то рыбных пельменей, хлеба, томатной пасты, ржавого сала и банку рыбных же консервов в томате.

Придя в общежитие, Юрка поставил воду для пельменей, нарезал хлеба, открыл консервы, покромсал сала. Ваня за подготовительной процедурой наблюдал, пуская слюну, как голодный пёс.

Только он, гад, не жрать хотел, он выпить хотел, но понимал – Юрка ему нальёт, только если он что-нибудь съест.

Последние двадцать минут, пока варились пельмени, для чуваша были самыми тяжёлыми. Наконец Юрка разложил пельмени, добавил в них томатной пасты, налил Ване полстакана водки и, держа его за руку, поставил условие: вторые полстакана тот получит только после того, как всё съест.

Кажется, Ваня не жевал.

Он пропихнул в себя горячие пельмени чуть не с тарелкой. И пока Юрка ел, следил голодными глазами – когда же Серов нальёт ещё. Юрка налил. Ваня выпил. Выпил, повеселел и стал собираться за водкой. В бутылке-то оставалось жалких сто пятьдесят грамм – Юрка и себе наливал тоже. Когда он уже оделся, между делом вслух рассуждая, у кого бы занять деньги (Юрка сказал, что потратил последние), то вдруг обнаружил: дверь закрыта на ключ, и ключа нет.

– Юрка-а-а! Ключ пропал... – сообщил он упавшим голосом.

Он, конечно, понял, что никуда ключ не пропадал...

Юрка сидел и молча наблюдал, прикидывая: убьёт его Ваня за ключ или не убьёт? Не убил. Постоял пару минут у двери, вернулся к столу, постоял, стянул куртку, бросил на кро-

вать, посмотрел на Юрку глазами больной собаки – Серов помотал головой – и упал на кровать лицом к стене, накрыв голову подушкой.

Юрка убрал со стола, спрятал бутылку с оставшимися ста пятьюдесятью граммами и взял книгу – телевизора у них не было. Часов в одиннадцать разобрал кровать и лёг спать. Ваня за это время ни разу не пошевелился – Юрка даже беспокоиться начал: не помер ли? Но когда он выключил свет, Ваня сбросил подушку с головы. Не помер... И Юрка заснул.

Проснулся Серов оттого, что кто-то копошился у него под кроватью. Юрка посмотрел на часы – начало третьего.

Долго Ваня продержался – молодец!

– Вань. Ты чего?

Ваня под кроватью замер, потом выбрался, сел, схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, начал тихо подвывать.

Юрка поднялся, включил свет, достал из рукава куртки бутылку и налил Ване остатки. Ваня осторожно подкрался к столу, аккуратно двумя пальцами взял стакан, почмокал, понюхал, не спеша выпил, зашмыгнул носом и опять упал на кровать лицом к стене.

– До утра доживёшь?

Ваня интенсивно закивал головой.

– Ну и молодец!

И Юрка опять выключил свет.

Утром Ваня был уже более-менее. Юрка его сводил в столовую около Аэрокосмогеологии и накормил завтраком. Потом сам пошёл на работу, а Ваню отослал в общагу, взяв с него клятву, что тот без Юрки ни-ни.

Ваня насилу дождался. Но дождался! Вечером они поужинали, распив бутылку водки. Ночь прошла спокойно, а на следующий день Ваня ожил.

Ещё через три дня он устроился на работу, и Юрка стал его видеть совсем редко. Работать Ваня умел, и работал как ломовая лошадь. Они встречались, только когда тот приходил отсыпаться, при этом Ваня, раздеваясь в полудрёме, рассказывал, как на Сугмуте – километров двести от Северного – он кого-то спасал... кого-то вытягивал из снега... куда-то возил громадные катушки силовых кабелей... В общем, лошадь – она и есть лошадь. Добрая, всех спасает, всех выручает, водки только нельзя наливать. Юрка и не наливал.

До Нового года они только один раз вместе выпивали, причём с ними выпивал и их сосед Ильдар, которого откуда-то принесло. Точнее, это они упали Ильдару на хвост: тот в одну из пятниц сидел и пил в одиночестве.

Но Ильдар надрался и снова завёл любимую тему – об избранности татарского народа. Причём он тут же это хотел доказать, набив Юрке морду и приглашая для этого развлечения этнически родственного чуваша. Ваня его от Юрки оттащил, скрутил и, глядя в лицо, громким, зловещим шёпотом произнёс:

– Русские для чувашей стелали фсё! Они таже в космос чуваша сапустили. Ты про Николаева снаешь? Снаешь?! Я спрашиваю! – Ильдар кивнул. – Он третий космонафт. Третий! Ты понял. А если ты, татарская морта, ещё путешь Юрку опишать, я тепя б... упью на х... Понял? – И, дождавшись ещё одного кивка, он толкнул Ильдара на стул, взял свой стакан и выплеснул в мусорное ведро, громко добавив: – Пить с топой не хочу!

На том инцидент был исчерпан.

А в январе Юрка привёз семью и ушёл на съёмную квартиру.

Но и после они продолжали встречаться. Ваня помог Юрке достать доски для кровати, которую они со Славкой собрали уже в новую Юркину квартиру – не продавалась тогда в магазинах мебель. Он же занял Юрке денег на подержанный цветной телевизор. Не продавались тогда телевизоры в магазинах.

А Ваня никогда не жалел денег. Если они у него были – раздавал налево и направо. Такая неуёмная щедрость как-то его подвела. Ване предложили поучаствовать в «бизнес-проекте»: привезти пива и водки из Сургута и продать в общаге подороже. Пиво и водку привезли, но Ваня устроил сабантуй на всю общагу, и все всё выпили, даже не удосужившись расплатиться с Ваней. Наварил Ваня дене-е-е-ег...

Уже летом 93-го Ваня по собственной инициативе предложил братьям съездить на его «лаптёжнике» за грибами. «Я, Юрка, шареной картошки с грипами хочу, как мамка телала, только не снаю, кте они растут, как они растут, вы со Слафкой покашите, а мы фместе съестьем».

К тому времени он уже был знаком и со Славкой.

Братья и рады были показать, но на «лаптёжнике» в такие места не проедешь. Они всё равно съездили – не в грибах, в конце концов, дело! И даже что-то насобирали. Возле Северного – и не в грибных местах, и не в грибной год – всегда можно найти грибы. И Ваня насобирал, хотя, как оказалось, действительно не разбирался в грибах – это десять-то лет прожив на Севере! Из леса они вернулись к Славке, нажарили общую добычу с картошечкой и лучком и употребили всё это под холодненькую водочку.

А потом они виделись всё реже... реже. Реже и...

Совсем Ваня пропал осенью 94-го. Уехал в отпуск на Большую землю, на родину – в свою чувашскую деревню – и не вернулся.

Что больше всего обидно Юрке – он даже фамилии его не помнит...

Ещё про Ваню. Нет, про Наташку

Дверь распахнулась, и звонкий, слегка с хрипотцой женский голос крикнул: «Вань, хорош массу давить!»

Юрка с шумом выдохнул под одеялом. Они что, вчера не закрылись? Кого ещё принесло? Он вернулся поздно с «полей». Потом они с Ваней приговорили «пузырёк» беленькой за душевным разговором и спать легли уже после полуночи, и вот сегодня праздник, день Седьмого ноября – красный день календаря, спать бы и спать, а тут орут прямо над ухом.

– Наташка... сараса, кончай орать по утрам! – заматерился Ванька.

– А чего не орать? Ты мне чего обещал, а? Говорил, Седьмое ноября справим вместе! Уже десять, хорош дрыхнуть, блин! – продолжал бузить женский голос.

– Да встану я, встану, ты только свали! А то у меня стоит с утра.

– Стоит – это хорошо! Плохо, когда не стоит. Да, Ваня?! – последнюю фразу голос выкрикнул с напором и захохотал.

– Ты мне телигента разбудишь, давай не ори, – урезонивал Ваня.

– Кого-кого-о-о-о?! Телигента? Какого телигента?

Юрка под одеялом лежал не шевелясь, но уже понял: заметили.

Рванули одеяло, и он едва успел прикрыть себе пах руками.

– И у этого тоже стоит! Нет, ты посмотри, какая комната! У всех стоит! Вот везёт же кому-то!

Юрка открыл глаза. Над ним, посверкивая золотой фиксой, улыбаясь, стояла огненно-рыжая ладно скроенная лет двадцати пяти разбитная бабёнка в джинсах и свитере и с пристальным вниманием разглядывала его.

– Красавчик... Ваня, ты чего такого красавчика прячешь? А? Телигент, говоришь... Колись, телигент, как зовут-то?

Юрка, приподнявшись на кровати, потянул на себя одеяло.

– Юра. Одеяло отдай.

Наташка отпустила, Юрка упал на кровать и поспешно накрылся.

– Бухать с нами будешь? – спросила девушка, продолжая разглядывать Юрку.

– Не собирался, – буркнул Юрка, отворачиваясь к стене. Бухать ещё с ней...

– Куда ты денешься! Не собирался... Значит, соберешься... – Девушка развернулась к Ване. – Бухаем у вас! Я салатов наделаю, картошки наварю, с вас тушёнка, соленая рыба и водка! Коля будет? Нет? Ну и хрен с ним! Всё, я ушла. У Надьки, если чё. Буду через два часа.

И, хлопнув дверью, она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

– Это что было? – Юрка сел на кровати.

– Наташка, – выдохнув, ответил Ваня и, натянув одеяло, отвернулся к стене. – Я еще часик посплю, пока эта сараса не придёт.

Выяснилось, Наташка – лепшая подруга Вани. Именно подруга, не любовница, не жена, а подруга, друг. Где-то они вместе жили, где-то работали, кто-то кого-то спасал, кто-то кому-то помогал. Хорошие друзья. И всё! Жила Наташа в соседней обще-восьмиэтажке, к Ване заявлялась после жизненных передрыг выпить и пожаловаться на очередного «козла».

– Ф-у-у-у... Устала... Взмокла! А скакать ты горазд! Где научился? – Наташа тянула ворот свитера и интенсивно дула туда в глубину. Они бросили Ваньку и припёрлись на общаговскую дискотеку

– В авиационном.

Юрка разглядывал партнёршу. Поначалу она ему показалась грубой, вульгарной. Но по факту девушка оказалась интересной, с чувством юмора и с каким-то воспалённым чувством справедливости.

Нет-нет, она была не красивая, но, именно, интересная. Крупные черты лица, зелёные волчьи глаза, рыжие волосы каре и золотая фикса, на которую Юрка обратил внимание с первых секунд знакомства. Коронка стояла на втором слева верхнем зубе и невольно притягивала взгляд, придавая лицу вид лихой и бесшабашный.

– Давно здесь? – Наташа потянулась сигаретой к Юре. Он тоже достал сигарету, зажег, чиркнул. Наташа затянулась и выпустила струйку дыма вверх.

– Полгода, – ответил после затяжки Юра.

– А чего у Вани тебя не видела?

– Только заселился, у брата жил.

– Геолог?

– Кто? Брат?

– Ты!

– Я... Я не знаю. Так, пописать вышел.

– Пописать... Ну раз пописать, пошли ещё выпьем.

– ...Понимаешь... Он любит меня. Но у него семья. Жена больная. Детей двое. Он приходит ко мне отдыхать, двое суток со мной... потом исчезает. А ему звоню. Он не отвечает. Потом опять появляется. С цветами, вином...

– С вином?

– Ну с водкой! Где ж его, вино, сейчас достанешь... Ну и люблюнемогу... Сюси-пуси... Опять два дня. И опять исчезает.

– Любишь его? – Юрка лежал, закинув голую руку за голову, на другой у него уютно устроилась рыжая и уже родная голова Наташки. Юрке было приятно чувствовать рядом с собой эту немного странную девушку.

Они вернулись с дискотеки выпить. Выпили. И никуда больше не пошли. (Ваня свалил, предварительно предупредив: «Ушёл до десяти вечера».) Тело живой и подвижной Наташки неожиданно оказалась мягким, нежным, тонкокожим и даже каким-то светящимся, на Юркины ласки оно отвечало с некоторой задержкой, как бы нехотя, просыпаясь, медленно растягиваясь в сладкой истоме, молча, но потом вдруг заскакало и рассыпалось весёлым горохом множественного оргазма с тонким и длинным подвсхлипом. Хорошо рассыпалось. Искренне.

И после этого она вдруг совсем изменилась. Из разбитной, грубоватой, даже циничной стала вдруг тихой, задумчивой и несчастной. А до того маска? Маска.

– Я? Его? Не знаю. Наверное, люблю...

Абсурдная ситуация, заметил про себя Юрка, все кого-нибудь любят, но почему-то спят с другими. Я вот Аню. Или Соню? Но сейчас с Наташкой. Бред бредовый.

– Наверное, жалею я его. Он же такой несчастный приходит. Рассказывает, как у них с женой ничего не получается, он старается, и она... Я говорила, она у него болеет? Что-то у неё по-женски. И он её жалеет, он её любит тоже. Но ему же хочется! И ещё у них дети. Что с детьми-то делать? И я не могу тянуть его! Но он такой... такой...

Он тебя просто использует, давит на жалость, хотелось сказать Юрке, но передумал, кто он такой, лезть в чужую жизнь?

– А ещё он обещал, летом обязательно поедет на море. В Крым. В Ялту. Ты был на море?

– Был. Этим летом. Как раз в Крыму. Но в Керчи.

– Расскажи про море...

– Про море? Про него не расскажешь... Я ездил с подругой и с компанией. Четыре человека. Две пары. У друга в Керчи бабушка, и мы поехали к ней. В Керчи встречаются два моря, Азовское и Черное. На границе морей остров Тузла, туда хорошо приезжать, если хочешь позагорать голым. Мы специально приехали, народа там почти нет, мы были одни и купались голыми...

– А вы в море это... – она замолчала.

– Чего «это»?

– Ну... занимались? сексом. – Наташа перевернулась на живот.

– Пробовали. Неудобно. Вымывается все, ну, у вас... там... В общем, не очень...

– А не холодно?

– Нет, море плюс двадцать пять.

– Плюс двадцать пять... А там песок или камни?.. Ой!

– Что?

– Уже полдесятого, сейчас Ванька придёт. Вставай, проводишь меня. Ты ведь проводишь?

Юрка пошёл провожать. По морозному ночному городу (Север же, начало ноября, а уже минус двадцать) они гуляли часа два. Наташа всё время расспрашивала про море. Юра много чего вспомнил: и шторм, и как ловил рапанов, и даже как в детстве с родителями ездил в Гагру. Они пришли к Наташе, ещё выпили, закусили соевым шоколадом, Юрка было собрался уходить, но неожиданно остался... Спали плохо, часто просыпались, занимались любовью, Наташа снова просила рассказать про море, засыпала под Юркины рассказы, засыпал Юрка, а потом всё сызнава.

Но ближе к утру Наталья расклеилась. У неё разболелась голова, стало знобить, и в шесть она наконец отправила Юрку домой. «Звони-заходи», – буркнула она напоследок, закрывая за ним дверь.

– Нае@ся? – сквозь сон поинтересовался Ваня, но Юра ничего не стал отвечать грубияну. Просто разделся и завалился спать.

Больше Наташу Юра не видел. Пару раз пытался зайти, но её не оказывалось дома, соседка врала, что она там, сям, где-то и когда-то будет, Юра видел, что врёт, но почему Наташа не хочет с ним встретиться, объяснить себе не мог. Не мог объяснить и Ваня. Тот просто отбрёхивался: «Папы! Раси поймёшь?» Бабы...

А в декабре Юрка ушёл на квартиру.

А в январе он привёз семью и уже к февралю забыл думать про странную рыжую девушку с золотой фиксой.

Интересно, съездила она на море?

Рассказ третий. Зачем в тундре верёвка?

В начале января 1991 года Юрка возвращался из Куйбышева. Куйбышевым Самаре оставалось быть не более трёх недель: такие были исторические времена, всё везде переименовывали.

Из Куйбышева-Самары он вёз на Север семью: жену Соню и пятилетнего сына Влада. Студентка Аня оставалась в Самаре. Неожиданно для себя она вышла замуж за Юркиного друга. Юрка было поехал, чтобы набить другу морду, но дело закончилось грандиозной пьянкой и всеобщей мировой. Аня сказала, что всех любит, заставила мужиков пожать руки, целовала обоих, а на прощание Юрке сказала: «Ты заезжай... Буду ждать».

Юрка пообещал, но для себя решил, что как-нибудь потом... позже... может быть.

Если невеста ушла к другому, то неизвестно кому повезло...

Что ни делается – всё к лучшему.

И всё вернулось на круги своя.

Ехали младшие Серовы с пересадкой. До Сургута долетели, от Сургута – поездом. Не то чтобы Юрка сэкономил деньги, просто зимой до Северного прямого самолёта никогда не было. А впрочем, денег на самолёт тоже не было. Тогда много чего не было, и работа на Севере ситуации не меняла.

Привёз Юрка семью в квартиру, которую снимал в «деревяшке».

«Деревяшка» – это такое социальное щитовое быстровозводимое жильё, рассчитанное на временное проживание. Однако народ порой в нём зависал не на один десяток лет. Строилось оно из профеноленных древесно-стружечных щитов, возводилось до двух этажей в высоту, подвалов не имело, замечательно горело и при этом, несмотря на фенольную составляющую, было прекрасным убежищем для мышей и тараканов.

Иногда складывалось впечатление, что именно для них оно и строилось, а люди... А люди, они не навсегда: отравятся фенолом, умрут – новых заселят.

Вот в таком доме Юрка и снимал однокомнатную квартиру.

Её хозяин по незначительному делу сел на годик и, чтобы квартира не пустовала, сдал Юрке.

Состояние квартиры было ужасающим. Куча хлама, горы мусора, батареи пустых бутылок, грязь. Потребовались поистине героические усилия, чтобы превратить её в жилое помещение. Серовы это сделали в «пробный» приезд Сони в ноябре, когда они только начали «склеивать разбитую чашку». А после Нового года Соня и Влад перебрались в Северный уже надолго.

А квартирка вдобавок оказалась ещё и холодной (когда они вошли с поезда, было не выше плюс двенадцати), но Юрка посчитал, что это даже к лучшему: тараканы и мыши будут не так активны. Соня боялась их до обморока.

Жену и сына Юрка привёз третьего января, а уже четвёртого уехал на полевые работы. Какие такие полевые работы в начале января, спросите вы. Да обычные такие полевые работы.

Основным подрядчиком по строительству межпромысловых автодорог для Северной нефтяной компании являлась организация с экзотическим названием «Латдорстрой». Нет-нет, это были не потомки латышей, переселённых «убийцей всех прибалтийских народов», «извергом» и «сыроядцем» Сталиным. Это были обычные граждане тогда ещё немножко советской Латвии. Деньги в Сибири платили. Правда, по тем историческим временам уже год как никто никому не платил: в стране начинался этап накопления первоначального капитала... Читайте Карла Маркса, там всё написано...

Так вот, подрядчику требовался песок для отсыпки дорог, и, несмотря на то, что в районе Сибирских Увалов практически всё кругом сложено из песка, в некоторых местах (например,

в районе Янгаяхинского месторождения) песок этот лежит глубоко под торфом, на болоте. А для строительства нужен песок сухой. Где его взять? А есть такая контора – аэрокосмогеологическая партия, – которая может по космическим снимкам отыскать такое место, а потом, используя подповерхностную радиолокацию, подготовить его для разработки песчаного карьера. Оба метода сродни шаманству, но на самом деле вполне себя оправдывают, если только ими не берутся искать нефть.

Ранним утром 4 января 1991 года Юрка надел унты, полушубок и ушанку, поцеловал жену и сына, вышел на улицу и направился в партию.

На улице было ещё темно: светает на Севере зимой не раньше десяти. Воздух ощущался приемлемо морозным – что-то около минус пятнадцати, для Севера – сущие пустяки. Курорт!

В партии уже собрались пять человек: Полищук, Бевзенко, Вокарчук, Золевский и, конечно, Славка. Последние трое вместе с Юркой – полевая бригада. Не впервой вместе.

Что интересно: никто из этого коллектива не планировал ни в детстве, ни в отрочестве, ни даже в студенческой юности вот так, зимой, отправляться на полевые работы, жить в палатке, топить буржуйку, спать в спальниках, не бриться и не мыться неделю, две, три...

Серовы – выпускники радиотехнического факультета Авиационного института. Авиационного! Игорь Вокарчук – выпускник Киевского университета, по образованию географ. Географ! Григорич окончил Новосибирский университет, биологический факультет. Пожалуй, только он достаточно долго был связан с полевыми работами – пару десятков лет занимался лесным хозяйством и не вылезал из тайги. Ботаник! Так вчерашние аспиранты и работники институтских кафедр зарабатывали деньги. Надо сказать – не самый худший способ. Вот только не платили... А кому тогда платили?

Дорога им предстояла недолгая, но в два этапа. Сначала до базы «Латдорстрой» в посёлке Янгпур (чуть более ста километров на партийном уазике), а потом от базы до места работ – на вездеходе ещё километров пятьдесят.

Груза с собой, как обычно, набралось около полутонны: снова те самые два комплекта армейских палаток с разделкой под печку, та же печка-буржуйка, родные зиловские аккумуляторы, комплект радиолокационной аппаратуры, мотобур со шнеками, мотопила, ящики с едой, спальники, доски под спальники, брезент... и, конечно, радиоприёмник ВЭФ! А иначе со скуки помрёшь – зимой работы от силы часов на шесть в сутки, с десяти до четырёх, а потом сплошная темень, и надо как-то заполнять время. А тут хоть новости... Или концерт Наташи Королёвой... А что? Или Тани Булановой. Повышает настроение. И стимулирует.

Все шмотки в уазик были загружены ещё накануне вечером. Паковались без Юрки – ему дали пообщаться с семьёй. Ну и напактовались. Теперь водитель Гришка ходил с похмелья злой. И если остальные могли позволить себе граммулечку, то ему точно ничего нельзя.

– Давай-давай-давай... Хватит копаться! – подгонял он. – Раньше сядешь – раньше выйдешь! Вчера же всё уже собрали.

Но Нестор Полищук по-начальнически наставительно внушал ему:

– Григорий, не сепети! Сейчас мужикам здоровье поправлю, и поедете!

В гараже накрыли небольшой столик: сало, чёрный хлеб, чеснок, лук, бутылка водки. Нестор аккуратно разлил бутылку на пять стаканов, поднял свой – все потянулись, чокнулись.

– Ну, чтобы всё пошло хорошо! – Полищук выпил и аккуратно занюхал кусочком хлеба.

Все последовали его примеру, выпили, крякнули и разобрали закуску.

– Богданыч, ты созванивался с латышами? – Золевский, как бригадир, волновался больше всех.

– Да ждут вас там, ждут! – И, оглядев бригаду, Полищук скомандовал: – Всё, мужики, по коням!

Полевики погрузились, Гришка завёл уазик, и они выехали.

Дорога до Янгапура – все два часа – прошла в дреме.

В «Латдорстрое» их ждали и сразу проводили к начальнику. Ему кто-то уже наплёл, что едут «космонавты»... и прямо из космоса будут искать место под песчаный карьер.

Пришлось объяснять, как на самом деле творятся чудеса. Тем не менее, космические снимки живо заинтересовали господина Медведева – а какая ещё могла быть фамилия у главного «латыша»? – причём больше всего его интересовали поймы, а в некоторых местах – и русла рек. Рыбаком оказался начальник, заядлым рыбаком. Часто встречающийся недостаток в Западной Сибири среди руководящего состава.

– А вы, мужики, я смотрю, место возле реки наметили? – радостно потирал руки господин Медведев, разглядывая снимки.

– Да. Вот 3-здесь. – Григорич показал пальцем на снимке. – Тут излучина Янга-Яхи, а тут – предположительно песчаная грива, песка там уйма, н-надо только проверить мощность сухого.

– Метра два-три есть, – добавил Славка. – Надо только...

– Погоди, – перебил начальник, – погоди, а рыбачить вы собираетесь? – Он внимательно оглядел космогеологов. Конечно... рыбалка – она интереснее сухого песка. А песок... да куда он денется, этот песок?

– Ну-у-у-у... – неуверенно замычал Золевский. – Сетку-то мы взяли... Попробуем, наверное.

– Попробуйте! Обязательно попробуйте. А если рыбалка пойдёт, я на выходные приеду. Договорились? – Медведев протянул руку Григоричу.

– Договорились, – пожал руку Золевский.

Через сорок минут полевики, перегрузив свои полтонны в ГТТ, выехали в сторону Янга-яхинского месторождения.

Поездка на «гэте» – занятие муторное, но для Юрки уже знакомое и даже родное. Всё вокруг ревет, грохочет, стучит, лязгает и отдаёт в больную спину. Разговаривать невозможно – всё равно ничего не слышно.

Космогеологов вёз главный механик «Латдорстроя» Янис – фамилии его Юрка так и не узнал – а за рычагами сидел механик-водитель Стас Медведев (да-да-да, родной племянник начальника). Стас только закончил срочную службу в танковых войсках, и дядя «по большому благу» устроил его на Север. Юрка такой же «блатной» – его устроил брат. На Севере – вообще сплошь «блатные»... Там же курорт и денег прорва...

Спустя два часа вездеход прибыл на большую поляну посреди леса. Местом для базы полевики выбрали старую площадку разведочной буровой.

– А я всё думал: что такое на-на с-снимке? – радостно кудахтал Золевский, выглядывая из дверцы вездехода. – Вагончик! И палатку ставить не надо. Сейчас мы ему щели за-заделаем...

– Молодец, старый! Молодец! – Игорь выглядывал из-за спины Григорича.

– Молодец-молодец... – Славка ревниво отодвинул их и выбрался на броню. – Только давай не копать... Темнеет. Стас, сдавай задом к вагончику, я скомандую.

Вездеход сдал – они выгрузились. Латыши хотели подождать, пока парни устроятся, но старший Серов отправил их на базу: по темени возвращаться – не самая лучшая идея, даже с фарами.

– Ну и правильно, Палыч! А то стоит тут, воняет... выхлопными газами. – Игорь только что откуда-то приволок дверь – своей двери у вагончика не было.

– Ты откуда такие шикарные ворота притащил, лишенец?

– С толчка снял, – радостно доложил Игорь, похлопывая рукавицей по колену – сейчас дорнитом обошью... Классная дверь получится!

– А как мы в т-туалет ходить будем... без двери? – возмутился подошедший Золевский.

Юрка понял, сейчас начнут мужики прикалываться. Дверь им для туалета... И туалет. Ага... Где присел, там и туалет! Только быстро всё делать надо. Летом сожрут, а зимой заморозишь...

– Да! Как теперь стучаться и спрашивать: «Занято?» – подхватил Славка.

– Поставить обратно? – Игорь развернулся с дверью.

– Ладно. Всё равно инеем покроешься, пока сидишь, – никто и не увидит. – Григорич взял мотопилу и кликнул Юрку: – Тёзка, пошли за дровами! Печка у нас адская... Жрать будет до хрена!

– А откуда у нас такая фундаментальная печь? – Юрка с восхищением разглядывал здоровенную буржуйку в вагончике.

– Столовая, по ходу, была. – Игорь прислонил дверь и зашёл внутрь.

– Ага, похоже, – Славка тоже заглянул. – Вон, что-то вроде столов вдоль стен. Ладно, мужики, вы давайте за дровами, а мы с Игорем попробуем обустроить эту холеру.

Дрова тёзки пилили и таскали дотемна. Пока ещё можно было угадывать: где дрова, а где пила.

Тем временем Славка с Игорем завесили одной палаткой пару окон, второй перегородили вагончик на две половины – иначе никогда не протопить эдакую громадину. Доски уложили поперёк на столах в дальней части, на досках расстелили брезент. Установили аккумуляторы, подключили пару лампочек и даже уже попытались растопить печку.

О-о-о-о, печка... Печка – это отдельное явление в той истории. Большая: семьдесят на семьдесят, полметра высотой, с солидной толстой трубой. Запустить такую печку сложно. С первого и до последнего дня ею занимался исключительно старший Серов. Он её ласково называл «атомный реактор». При розжиге разве что только не камлал. Процесс запуска был непрост и строго регламентирован.

Для начала в печку загружалась береста с мелкими чурочками, которые старший предварительно заботливо готовил. Отщеплял от полена топором, аккуратно укладывал поближе к печке, чтобы просохли. А может быть, он их так ставил по фэншуй. Хотя вряд ли – тогда об этом никто ничего не знал. Если кто задевал и ронял чурочки, Серов того матерно ругал и обещал отлучить паразита от еды и тепла.

Приняв такой любовно приготовленный запал, печка для начала делала удивлённый вид: «это вы чё в меня засунули?», а потом принималась капризничать.

У неё никак не появлялась тяга, а без тяги огонь задыхался, и вся смесь скорее тлела, чем горела, и отчаянно при этом дымилась. В этот момент Славка то открывал дверцу, то закрывал, дул в печку, тёр запорошённые глаза, приплясывал, замахивал воздухом полевым журналом – в общем, делал всё, чтобы организовать тягу. Длилось это минут десять, а то и пятнадцать, потом в печке накапливалась горячая газовая смесь, и она воспламенялась. Печка делала: ПУХ-Х-Х, распахивала дверцу, извергала облако сажи и заводилась, как реактивный двигатель: «У-у-у-у!» И вот тогда в неё только успевай подкладывать. Спалить она могла пару кубометров древесины за час. Не верите? Ладно-ладно... Не пару. Но много могла спалить.

Труба у неё при этом становилась огненно-красной.

Тепла она давала много. И уже через четверть часа в вагончике теплело, а ещё через полчаса сидельцы от жары начинали выбрасываться на снег. Если после этого печку остановить, то минут через сорок наступала благоприятная температура, расцветали цветы и пахли розы. Но ещё через полчаса она снова падала ниже нуля, печка окончательно тухла, и, чтобы развести её, всё приходилось начинать сызнова. Однако Серов-старший сумел-таки договориться с ней и мог поддерживать её в рабочем состоянии. Но в тот первый день, когда он только начинал с ней знакомиться, – та показала всё, на что способна.

Но, несмотря на строптивый характер печки, они обустроились. Расстелили спальные на досках, разложили рядом с собой нежную аппаратуру, поужинали наскоро приготовлен-

ными макаронами с тушёнкой. Времени меж тем натикало уже часов восемь, и они потихоньку стали укладываться спать. А чего ещё делать?

Но сон в полевых условиях – издевательство отдельное!

Юрка так описывал этот процесс своим самарским друзьям.

Забираешься в спальник, когда температура в балке выше сорока... плюс сорока. Протапливают так специально, чтобы на дольше хватило тепла. От жары уже хочется выброситься на снег, но ты лезешь в спальник... А там... минус! «Контрастный душ». А лезешь в спальник в одном нижнем белье, иначе ночью замёрзнешь. Народная мудрость такая.

Парадокс этот объясняли аналогией: мол, в перчатке, где пальцы каждый сам по себе, рука мёрзнет, а в варежке – нет! То есть если лечь в спальник голым, все части тела должны греть друг друга. Физику процесса вроде понимал, но мёрз при этом всегда. Если бы не понимал, а принимал на веру, может и не мёрз бы. Вера, она сильная штука... И вот лежишь в спальнике, балдеешь, после жары даже комфортно. Потом остываешь и начинаешь трястись от холода. Но через какое-то время спальник потихоньку прогревается от тех самых частей тела – начинает работать парадокс, – а температура в балке падает – печка дрова доела. В этот момент нужно обязательно заснуть! Всенепременно! Если не успеешь, дальше только хуже. Сначала прячешь нос и затыкаешь дырки в спальнике от холода – дышать становится нечем, потом и к этому вроде привыкаешь. Лежишь, считаешь баранов и вдруг в какой-то момент понимаешь, холод таки добрался до тебя. Теперь снизу. Ворочаешься, пытаешься подкладывать ладони под... под пятую точку. Но холод впивается в спину, и никакое подкладывание рук уже не помогает. А что помогает? А помогает, что Славка тоже замёрз, как бобик, и матерясь выбирается из спальника и начинает затапливать печку. Через полчаса становится тепло – и так по кругу, пока не наступит восемь утра. Тогда уже Золевский не выдерживает. И уже он вылезает матерясь из спальника – но не для того, чтобы затопить печку, а чтобы справить нужду малую. И запускает в вагон, зараза, мороз ещё больший. И теперь матерятся уже все. Но через полчаса снова тепло, потому что Славка снова затопил печку, и кто может, тот досыпает, а кто не может, бежит из вагончика «окропить снежок жёлтеньким».

С мучениями проходит ночь – начинается следующий день.

Тёзка Юрки готовит завтрак.

А что у них на завтрак?

А молочная рисовая каша! Не хухры-мухры – как из дома не уезжали.

Комфорт в полевую жизнь привнёс лесник Золевский. Это он всех приучил ездить на полевые работы «как люди». До этого возили одну туристическую палатку, махонькую печурку и спальники. Спали с медведями в обнимку, играли на балалайках, ели тушёнку и красную икру прямо из банок, только что не руками. А может, и руками – Юрка не видел, не застал.

Григорич посмотрел на всё это, посмотрел, произнёс свою любимую фразу: «Ё@ные туристы!» и за месяц с Гришкой изготовил две армейские палатки с разделкой под высокую печку, доски под спальники и прочие удобства. «Не на себе возим!» – изрёк он истину. Он же завёл правило: питаться в поле, как в обычной жизни. Утром молочная каша, днём – первое и второе, вечером – обязательно горячее, лучше дичь или рыба. Не тушёнка! Нормальный такой быт.

Так и начали они свою трудовую жизнь на 57-м километре трассы Янгпур – Янгаяхинское месторождение. Утром вставали, готовили завтрак, шли на работу. Золевский с Вокарчуком брали нивелир – «хитрый глаз» – и размечали территорию будущего карьера. Юрка экипировался радиолокационной аппаратурой и шёл на лыжах лоцировать. Славка выводил на самописец полученные Юркой результаты, заодно занимался по хозяйству: готовил обед, топил печку, поддерживал жилое состояние вагончика. Работали почти дотемна – часов до двух-трёх, – потом заготавливали дрова и паковались на ночь. Обедали, опять выводили материалы.

Отрисовывали территорию будущего карьера, готовили ужин, ужинали, слушали радио, ложились спать, мучились во сне, вставали, завтракали, шли на работу... Жизнь, полная романтики.

На третий день к ним с утра на «гэте» приехали Янис и Стас – узнать, как идут дела, не надо ли чего, а главное... Главное – узнать, как у них с рыбалкой?!

А как у них с рыбалкой? А никак! Не до неё было. За день уставали, как собаки. Но раз руководство решило узнать, ответ надо подготовить. И они, всей толпой сев в «гэт», отправились на излучину Янга-Яхи.

Через мерзлотное болото, через озёра, по мерзлотным буграм, по снегу в подрез кабины «гэта». Молодой Медведев сидел за рычагами: газуя, когда забирался на бугры, и притормаживая, когда проваливались к озёрам.

– Не тормози! – орал ему в ухо Золевский. – Н-не тормози! Сходу озеро проскакивай!

Но Стас чего-то боялся и притормаживал. И в одной из таких мочажин вездеход, в очередной раз взревев, пытаясь выбраться на бугор, вдруг захлебнулся и затих. Стас давил кнопку зажигания, давил, но слышался только слабый шелест стартера, двигатель не запускался.

Янис метнулся посмотреть аккумуляторы, поковырялся, а потом с прибалтийским акцентом, но чисто по-русски выдал:

– Аккумулятор, б... дь, лопнул!

– Как лопнул? – эхом откликнулись все.

– Поперёк. Наверное, когда ты, Стас, последний раз провалился, он и лопнул.

– Я же говорил: н-не тормози! – начал заводиться Золевский.

– Я думал, там озеро... – оправдывался Стас.

– Озеро! Конечно, озеро! Только ты проехал его уже... Льда там... два метра! Чего ссал?!

Юрка сидел и видел, как на него пристально смотрит Славка, и уже догадывался, что тот сейчас предложит.

– Нет, – качал Юрка головой. – Не смотри на меня так... не потащу я по болоту наши аккумуляторы. И не думай. И...

– Юр, ну ты же понимаешь. По-другому не получится. Пока двигатель совсем не остыл. Пошли... На лыжи поставим и притащим...

– Вместе пойдём! – предложил Золевский. – Вы один потащите, а мы с Игорем второй, на-на... всякий случай.

Через полчаса они, закрепив на лыжах аккумуляторы – двадцать пять килограммов каждый, – как известные персонажи картины «Тройка», – тащили клятые энергонакопители от вагончика к вездеходу.

Ещё через полчаса вместо лопнувшего аккумулятора установили свой и выяснили, что ондохлый. На аппаратуру его хватало, а на запуск двигателя – увы, нет. То же повторилось со вторым.

– Ну?... И чего теперь делать будете? – закуривая папиросу, поинтересовался Золевский у вездеходчиков.

– Пойтём за тракторами, – за двоих ответил Янис.

– Ага... За тракторами... На ночь глядя. Тридцать километров до ближайшей подбазы, – поддакнул старший Серов. Он скрутил контакты с аккумулятора и теперь приноравливался выдернуть его из ячейки. Обратно их, зараз, ещё тащить... Но свет – это то, от чего отказываться никто не собирался. А ещё аппаратура.

– Вот что, – Золевский закурил мундштук папиросы и надел рукавицы. – Вот что... Сейчас мы все пойдём в вагончик, ночь вы переночуете у нас – как-нибудь разместимся. Н-не возражать! – оборвал он пытавшегося было встрять Яниса. Папироса вылетела изо рта. – Куда на ночь-то?! И мороз вон на-начинается! А з-завтра мы вам дадим лыжи, дадим рукавицы... У вас же даже рукавиц нет, – Григорич возмущённо пошевелил губами и стряхнул

с себя пепел. – Завтра с утра дадим рукавицы, и вы пойдёте до подбазы. Всё. А сейчас пошли домой! – и Григорич полез из вездехода. – Порыбачили, м-мать твою...

Ночь они провели благополучно. В тесноте, да, как говорится, не в обиде. Парням выдали тёплую одежду, они в неё закутались, а Славка всю ночь поддерживал «атомный реактор».

Утром, позавтракав, космогеологи собрали страдальцев. Выдали лыжи, рукавицы, вручили топор, два комплекта спичек, чай, печенье, сахар, две банки тушёнки, кусок сала, чифирбак – пустую литровую консервную банку с ручкой из стальной проволоки – вода в ней закипает моментально.

– Верёвку им, Игорь, выдели, – напомнил Славка.

– Ферёвку? – забеспокоился Янис. – Тля чего ферёвку?

– А ты не знаешь, зачем зимой верёвка в тундре? – вкрадчиво поинтересовался Вокарчук.

– Нетт. Сачем?

– А это когда с-совсем будет хреново, найдёте дерево, перекинете че-через с-сук... – мрачно заикался Золевский.

– Плохо шутишь, Крикорич!

– Плохо! Потому что мне всё это не-не нравится! Потому что вы ё@ные туристы и на лыжах ходить не умеете!

Янис попытался возразить, но Золевский остановил его жестом:

– Не умеете, я говорю, хо-хо-ходить на лыжах вы! Ориентироваться не умеете! А у вас тридцать километров зимней дороги... по лесу... по болоту... по морозу! И вы...

– Юрий Крикорьевич. Не тридцать, а твдцать семь, – всё-таки вставился Янис. – Ну как мы путем тут сидеть? Что подумают на пазе?

– А что подумают? Хватятся и приедут сюда, – поддержал Славка Золевского. – И вас заберут, и технику вытащат. Ну, правда, ну куда вы прётесь?!

Янис закурил сигарету, пару раз затянулся, посмотрел на Стаса, тот покачал головой.

– Нет, мушки, мы решили. Мы пойдём, – подвёл итог спорам Янис.

И ушли.

– Зря мы ихпустили, – Золевский глядел вслед латышам и дёргал себя за бороду.

Славка повернулся к нему:

– И как бы мы их удержали?

– А не-не дали бы лыж...

– Они без лыж бы ушли. Ты же видел – упёртый припалт!

Григорич махнул рукой:

– Пошли работать – за нас никто ничего делать не-не... будет...

Латыши ушли ещё затемно, часов в девять. Утро было ясным, морозным. Погода по сибирским меркам замечательная – всего-то минус двадцать пять и тихо. Курорт!

Но Север не был бы Севером, если бы погода не стала стремительно меняться. К половине одиннадцатого нагнало туч, начала повышаться температура, поднялся ветер и повалил снег. Без четверти одиннадцать Золевский скомандовал заканчивать работу: сыпало так, что в нивелир ничего не было видно. Юрке снег не мешал, но одного его никто оставлять не соби-рался. Нельзя на Севере одному.

Они вернулись в вагончик. Славка, который снова сидел на хозяйстве, поинтересовался: чего это все припёрлись так рано, работать же ещё часа три? Золевский посоветовал ему сходить и самому поработать. Славка выглянул за дверь и больше вопросов не задавал.

День прошёл в ожидании. Предполагалось, что как только Янис со Стасом дойдут, то пришлют бригаду за вездеходом, чтобы он совсем не вымерз. Но вечер уже наступил, а никто не появился. Пурга мела не переставая.

Часов в восемь, когда уже собирались ужинать, над ними в темноте с грохотом прошёл вертолёт.

– Всё. Писец! – с какой-то щемящей тоской матернулся Золевский. Юрка на слове «писец» вздрогнул. – Не-не дошли, значит...

– Почему так думаешь? – Младший Серов выключил самописец.

– Вертолётом ищут. Там же С-стас Медведев.

– Погоди-погоди-погоди-и-и, – Игорь тоже не хотел соглашаться с Григоричем. – А откуда они знают, что пора искать?

– Техники и ребят нет вторые сутки. – Славка заглядывал в печку, пытаясь определить: сунуть ей в хавало ещё одно полено или обойдётся. – Погода – дрянь. Чего ж тут... непонятного?

– А ч-число сегодня какое? – ни с того ни с сего Григоричу вдруг понадобилась дата. – Не-не седьмое?

– Седьмое! – старший захлопнул дверцу печи и загрустил: – У моей Сашуни сегодня день рождения...

– Рождество! Ох, не-не надо было их пускать... Ох, не надо... Ладно, давай есть и спать – нечего зря дрова жечь.

– Давай, – и Славка поставил на печку разогревать гречневую кашу.

Это сейчас мы без мобильного не ходим даже «до ветру». Это сейчас мы контролируем местоположение себя, своих родных и знакомых ежечасно и даже ежеминутно. Все знают, самый распространённый вопрос по мобильному: «Ты где?». А тогда, двадцать лет назад, ничего этого не было. Парни даже рации не имели!

Мужики лежали в спальниках, не спали, но молчали. Каждый пытался представить, где сейчас латыши. Плохи были дела, совсем плохи... Не сказать бы хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.